

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ЖИЗНИ СЪВЕРНАГО КРАЯ
„ИЗВѢСТІЯ
Архангельскаго Общества
изученія Русскаго Сѣвера“.

1914 г. № 8-й. 15 Апрелья.

Періодическая печать въ Архангельскѣ.

I.

Есть такіе счастливые города, исторія которыхъ изучена со стороны, во всѣхъ отношеніяхъ, начиная съ общаго историческаго обзора и кончая такими узко-спеціальными вопросами, какъ исторія театра въ данномъ городѣ, исторія книжнаго дѣла и т. д.

Отнести къ числу этихъ счастливыхъ городовъ нашъ Архангельскъ, увы, нельзя. По исторіи его, конечно, кое-что и, пожалуй, даже не мало сдѣлано, но всѣ эти работы или мирно покоятся въ мало доступныхъ, толстымъ слоемъ пыли покрытыхъ фоліантахъ старыхъ Губернскихъ Вѣдомостей или же, будучи изданы отдѣльными книгами, давно уже стали библиографической рѣдкостью. По насколько намъ извѣстно, до сихъ поръ остается почти незатронутой одна область—именно исторія архангельской литературы. Мы до сихъ поръ не только не имѣемъ „Словаря писателей и ученыхъ Архангельской губерніи“, но и вообще мало извѣстны біографіи нашихъ мѣстныхъ писателей и дѣятелей по изученію края. Отиѣтимъ попутно, что вопросъ этотъ интересовалъ † С. Огородникова, незабвеннаго историка г. Архангельска, но смерть оборвала его работы по составленію задуманнаго имъ словаря общественныхъ дѣятелей Арханг. губерніи въ самомъ ихъ началѣ. Пѣтъ также у насъ и обзора книгопечатнаго дѣла въ Архангельскѣ, исторіи Архангельской періодической печати. Предлагаемая вниманію читателей настоящая наша статья является первой. быть можетъ, не совсемъ удачной, но, смѣемъ думать, все же далеко не лишней попыткой въ этомъ направленіи. Тѣмъ болѣе, что наступившій 1914 годъ въ исторіи архангельской періодической печати является до нѣкоторой степени юбилейнымъ, именно: 40 лѣтъ тому назадъ 1 марта 1874 года явилась въ свѣтъ первый № первой частной газеты въ Архангельскѣ.

II.

Первое періодическое изданіе.

Первымъ періодическимъ органомъ печати въ Архангельскѣ, какъ и въ большинствѣ провинціальныхъ губернскихъ городовъ, были „Губернскія Вѣдомости“, изданіе которыхъ было также, какъ и вообще по всей Россіи, предпринято по прямому указанію высшаго начальства.

именно 3 июня 1837 года было Высочайше повелѣно издавать при каждомъ губерискомъ правленіи особыя Губерискія Вѣдомости. Тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Блудовъ предложилъ архангельскому губернатору циркуляромъ отъ 31 августа 1837 года „озаботиться приведеніемъ въ приличное состояніе губериской типографіи съ тѣмъ, чтобы не встрѣтилось никакой остановки въ печатаніи Губерискихъ Вѣдомостей, коихъ изданіе должно начаться съ 1 января 1838 года.“¹⁾ Губериская администрація дѣятельно начала готовиться къ издацію вѣдомостей; выяснено было число подписчиковъ, на которыхъ могла разсчитывать новая газета (всего 165, изъ нихъ частныхъ лицъ только 20), и назначены „позъявившіи желаніе опредѣлиться редакторомъ“ находящейся не у дѣла надворный совѣтникъ Карлъ Горе-глядъ (изъ семейныхъ).

5 января 1838 года вышелъ № 1-й „Архангельскихъ Губерискихъ Вѣдомостей“ въ 5½ страницъ, размѣромъ 7×4 в. № раздѣлился на двѣ части: официальную и неофициальную—называвшуюся на первыхъ порахъ особымъ прибавленіемъ; раздѣленіе № на двѣ части „Вѣдомости“ удержали и до настоящаго времени.

Первоначально до апрѣля 1867 г. „Арханг. Губ. Вѣдом.“ выходили по одному разу въ недѣлю, затѣмъ съ 1 апрѣля 1867 г.—дважды—по средамъ и субботамъ, съ 1 января 1899 г.—выпускались каждый день и, наконецъ, съ января текущаго 1914 года начали снова выходить всего лишь два раза въ недѣлю.

Приводимъ программу „Арх. Губ. Вѣд.“ въ первый годъ ихъ изданія, выпущенную въ видѣ отдѣльнаго приложенія къ № 20 подъ заглавіемъ:

„Въ Градскія и Земскія полиціи для раздачи сихъ объявленій обывателямъ и для приглашенія подписчиковъ.“

При Архангельскомъ губерискомъ правленіи съ начала 1838 года издаются Губерискія Вѣдомости, цѣлю коихъ есть между прочимъ: доставлять каждому удобившаго средства получать въ надлежащее время свѣдѣнія о постановленіяхъ и распорядкахъ губерискаго начальства, а равно и другихъ предметахъ, болѣе или менѣе полезныхъ и любопытныхъ, напимръ: 1) Объявленія объ учрежденіи камихъ-либо новыхъ мѣстъ или должностей въ губерніи. 2) Объявленія объ опредѣленіи, перемѣненіи, увольненіи и о наградахъ чиновниковъ. 3) Объявленія объ отлученіяхъ дѣйствіяхъ кого-либо изъ чиновниковъ, или обывателей, на пользу службы и для блага общаго. 4) Объявленія отъ полиціи градской и земской, о найденныхъ ею или представленныхъ въ оную вещахъ, и тому подобное. 5) Объявленія о вывозѣ къ постоялкамъ, откупамъ и подрядамъ, въ губерніи производящихся. 6) Сметы и раскладки земскихъ повинностей, по утвержденіи оныхъ высшимъ начальствомъ. 7) Объявленія о публичной продажѣ имущества. 8) Предохранительныя объявленія городекамъ и сельскимъ обывателямъ о повальныхъ болѣзняхъ и скотскихъ язвахъ. 9) О чрезвычайныхъ происшествіяхъ въ губерніи. 10) О рыночныхъ справочныхъ цѣнахъ на разныя потребности. 11) О состояніи какъ казенныхъ, такъ и частныхъ значительнѣйшихъ фабрикъ и заводовъ. 12) О способахъ улучшенія сельскаго хозяйства и домохозяйства. 13) О состояніи урожая. 14) О метеорологическихъ наблюденіяхъ. 15) О ярмаркахъ. 16) О главнѣйшихъ рынкахъ и вообще о состояніи промышленности и торговли въ губерніи. 17) О состояніи судоходства въ губерніи. 18) Об открытіи въ губерніи новыхъ учебныхъ заведеній общаго вида. 19) О находимыхъ въ губерніи мѣтахъ и иныхъ древностяхъ. 20) О замѣчательныхъ въ губерніи чрезвычайныхъ явленіяхъ по всемъ царствамъ природы. 21) Разныя достоинныя любопытствя историческаго о губерніи свѣдѣнія. 22) Некрологія извѣстнѣйшихъ въ губерніи лицъ, заслужившихъ общедъ вниманіе и проч. 23) О томъ, какъ и покупкѣ недвижимаго и движимаго имѣнія и проч. 24) О предложеніи

¹⁾ Н. Ериляговъ 1898—1898. Пятидесятилѣтіе изданія Архангельскихъ Губерискихъ Вѣдомостей—„Арх. Губ. Вѣд.“ 1898 № 2.

услугъ. 25) О объявленныхъ и безъ вѣсти пропавшихъ людяхъ, когда сіе объявляется не отъ правительства. 26) О потерянныхъ или украденныхъ вещахъ. 27) Объ уничтоженіи долговыхъ и другихъ сему подобныя предостерегательныя объявленія. 28) Вызовы частными людьми кредиторовъ и должниковъ".

Въ этомъ же объявленіи-программѣ мы находимъ любопытныя свѣдѣнія и о томъ, какъ была организована доставка „Вѣдомостей“ подписчикамъ:

„Сія вѣдомости издаются ежеежегодно по средамъ и имѣніе мѣстопробываніе свое въ Архангельскѣ, благоволятъ за оными присылать въ сей день въ е отдѣленіе канцеляріи губернскаго правленія, а живущіе въ другихъ городахъ и уѣздахъ будутъ оныя вѣдомости получать посредствомъ городской и земской полиціи, къ концы и могутъ, соображаясь съ близостью разстоянія къ себѣ городовъ и мѣстопробыванія стеновыхъ приставовъ, за оными вѣдомостями въ день прихода почты посылать. Желющіе изъ обывателей г. Архангельска могутъ получать сія вѣдомости и прямо въ мѣста своего жительства, чрезъ особыхъ разносчиковъ, до въ такомъ случаѣ благоволятъ къ назначенной цѣнѣ (10 р. въ годъ) прибавлять за годовое изданіе по 2 рубля, а за полугодное по 1 руб.".

Переходя къ обзору „Арханг. Губ. Вѣдом.“ со стороны ихъ содержанія, мы не можемъ не отмѣтить большую поддержку, оказанную молодому органу печати нашимъ Губернскимъ (Статистическимъ) Комитетомъ, который, какъ это видно изъ его протоколовъ, всѣ работы своихъ членовъ передавалъ обыкновенно для напечатанія въ „Губ. Вѣдом.“ и этимъ помогъ имъ, такъ сказать, встать на свои ноги, окрѣпнуть.

Изъ лицъ, способствовавшихъ развитію „Губ. Вѣдом.“, прежде всего должно назвать редакторовъ „Вѣдомостей“, наиболѣе поработавшихъ на пользу изданія, именно: М. Г. Заринскаго, Н. Поромова и П. П. Чубинскаго, при которомъ вообще наши „Губ. Вѣд.“ считались однимъ изъ лучшихъ органовъ провинціальной періодической печати. Насколько интересно велась въ это время газета, можно показать на примѣрѣ. Возьмемъ № 48 за 1868 годъ, содержаніе неофициальной части котораго при большомъ объемистомъ форматѣ составляютъ: телеграммы, переписка—о торговлѣ на Печорѣ, затѣмъ три статьи: Льготы, дарованныя кареламъ—П. Чубинскаго, Земское дѣло въ Архангельской губерніи и Крестьянскіе дѣловые древніе акты—пр. Иванова; корреспонденція изъ Холмогоръ—о скотоводствѣ, внутренніи извѣстія (три колонны мелкаго убористаго шрифта), иностранныя извѣстія (изъ Франціи, Турціи, Испаніи, Италіи, Австріи и Славянскихъ земель), смѣсь, портовые вѣсти, судебная хроника, метеорологическія таблицы и свѣдѣнія о прѣхавшихъ и выѣхавшихъ. Такъ составлялась неофициальная часть нашихъ „Вѣдомостей“ 45 лѣтъ назадъ, а теперь, уны, она нерѣдко состоитъ лишь... изъ одного объявленія о подпискѣ на „Арх. Губ. Вѣдомости“. Tempora mutantur!

Упомянутыя выше лица, будучи редакторами Вѣдомостей, дали въ то же время и много своихъ, очень цѣнныхъ работъ: такъ, М. Г. Заринскому принадлежитъ цѣлый рядъ статей по исторіи края („Иерархія Архангельскіе и Холмогорскіе“ и „Биографическіе очерки“ 1847 года, „Перечень Важескихъ воеводъ“ 1848 г., „Перечень Двинскихъ воеводъ“ 1850 г., „Взглядъ на Вѣломорскую торговлю въ концѣ XVIII вѣка“ 1853 года и т. д.). Н. Поромовъ занимался географіей и статистикой („Описание г. Пинеги“ 1855 г., „Описание г. Колы“ 1856 г., „Ярмарки въ Архангельской губерніи“, „Описание г. Мезени“, „Описание Мезенскаго уѣзда“, „Описание Архангельскаго уѣзда“ 1858 г. и т. п.) П. П. Чубинскій далъ много работъ по экономическимъ вопросамъ края („Колонизація Мурманскаго берега“ 1865 г., „Солесвареніе въ Архангельской

губерній" 1867 г., „О Вятско-Двинской желѣзной дорогѣ" и „Сѣверно-Екатерининскій путь" 1868 г., также „Списокъ статей, помѣщенныхъ въ „Арханг. Губ. Вѣдом." за 1838—1864 г. и 1865 и др. *)

Затѣмъ, помимо оригинальныхъ статей всѣхъ этихъ лицъ, въ „Арханг. Губ. Вѣдом." сдѣлана была также попытка переиздать рядъ старинныхъ работъ по исторіи и описанію Архангельскаго края, ставшихъ уже библиографической рѣдкостью; напр., „Подробное описаніе Архангельской епархіи" — Льва Максимовича (въ 1808 г.), „О высочайшихъ прішествіяхъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Вѣлыя Россіи Самодержца" и „Историческое обозрѣніе Архангельской губерніи" — П. Пушкарева — въ 1902 году.

Съ появленіемъ въ Архангельскѣ частной прессы, въ органамъ которой ушли и всѣ газетныя силы и симпатіи подписчиковъ, „Арханг. Губ. Вѣд." окончательно захирѣли, дошли до полного небывалаго въ ихъ исторіи упадка, хотя справедливость требуетъ отмѣтить, что на страпнахъ ихъ и въ это упадочное время появлялись изрѣдка работы значительной цѣнности, преимущественно историческаго характера, напр., работы П. А. Голубцова, Н. О. Чулкова, А. Ѳ. Шидловскаго и др. Губернская администрація пробовала было поднять „Губернскія Вѣдомости", но, какъ видно, ничто уже не помогло. Теперь, съ выходомъ №№ газеты только два раза въ недѣлю, можно, пожалуй, считать, что иѣсны „Арханг. Губ. Вѣдомостей" — старѣйшаго органа мѣстной печати — окончательно слѣта...

За 75 лѣтъ изданія въ неофициальной части „Арханг. Губ. Вѣдом." накопилась масса сырого и обработаннаго матеріала по всѣмъ вопросамъ, относящимся къ Архангельской губерніи, и въ этомъ вся цѣнность и все оправданіе долгой жизни газеты. Надо только сдѣлать такъ, чтобы этотъ матеріалъ былъ доступенъ для тѣхъ, кому онъ ну-

*) *Примѣчаніе.* Кроме редакторовъ, изъ большого числа лицъ, писавшихъ въ лѣтнихъ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ", должно упомянуть: Ф. В. Сальнева „Емьдскій острогъ" 1830, Г. Варовичкова („А. И. Фоминъ", „Признаки древности Холмогоръ" и „Пребываніе Императора Александра I въ Архангельскѣ" 1830, „Двинскіе воеводы" 1840 г.), „Валѣги новгородцевъ на Двинскую страну" 1845 г.), Г. Елизаровскаго („Икота — везуть Архангельской губерніи" 1868, „Статистическо-историческій очеркъ Архангельскаго военнаго порта" 1869), Н. Ермилова („Указатель за 1882—1887 г. и 1888), П. С. Ефименко („Нѣсколько изумительныхъ актовъ крестьянъ Ломоносовскихъ", „Присловья о жителяхъ и мѣстностяхъ Архангельской губерніи" 1868, „Заволоцкая Чуда" 1868 и 1869 г.), „Что сдѣлано для исторіи Крайняго Сѣвера и что слѣдуетъ сдѣлать" 1871 г.), пр. А. Иванова, М. Ѳ. Истомина („Соломбада въ XVIII столѣтіи" 1861 и 1862 г., „Архангелогородская старина" 1862, „Соломбальскій лѣтописецъ" и „Лѣтопись замѣчательныхъ происшествій и естественныхъ явленій въ Архангельской губерніи" 1863 г.), П. О. Кузнищева („Собраніе особенныхъ словъ Архангельской губерніи" 1847 и 1849 г., „Матеріалы для исторіи Архангельскаго порта" 1848 и 1849 г.), Г. О. Минейко („Описаніе сельской общины въ Арханг. губерніи", „О выдающихся особенностяхъ, смертности и рождаемости сельскаго населенія Архангельской губерніи съ 1866—1875 готъ, въ связи съ его природою" 1890), С. Огородникова („Петръ Великій въ Архангельскѣ и годы пребыванія его на нашемъ Сѣверѣ" 1872), А. Подвысоцкаго („Выдержки изъ прошедшаго и давпо-прошедшаго Архангельской губерніи" 1874—1879 г.г.), „Рукописи біаботеки Архангельской Епархіальной Семинаріи" 1877 г.), М. Сибирцева („Некрологъ М. Ѳ. Истомина" 1864 г., „О первыхъ опытахъ разведенія каптофеля въ Архангельской губерніи" 1865 г.), Ф. Хоревича („Сборникъ актовъ Холмогорскаго Спасопреображенскаго Собора" 1868 и 1869 г.г.), В. Чернышева („Монастырь Архангела Михаила въ Архангельскѣ" 1843 г., „Ваячуга" 1844 г., „Лѣтопись замѣчательныхъ естественныхъ событій въ Архангельской губерніи" 1845 г., „Ново-длинская крѣпость" и „А. Н. Перфильевъ" 1846 г.) и мн. др.

Лент., и для этого необходимо озаботиться издашемъ указателя къ неофициальной части вѣдомостей за 1889—1913 гг., такъ какъ за предшествующіе первые 50 лѣтъ изданія (съ 1838 г. по 1887 г.) эти указатели уже имѣются *).

III.

Первая ежедневная газета.

Слѣдующимъ по времени выхода въ свѣтъ печатнымъ органомъ въ Архангельскѣ является „Архангельскій Городовой Листокъ“, издававшийся при редакціи Архан. Губерн. Вѣдом. въ 1862—1866 гг.

„Архангельскій Городовой Листокъ“ былъ первымъ ежедневнымъ изданіемъ въ Архангельскѣ и, какъ таковой, онъ представляетъ несомнѣнный интересъ для читателя; приводемъ въ выноскѣ его первый номеръ. **) Въ № 29 „Арх. Губ. Вѣд.“ отъ 21 іюля 1862 года на послѣдней страницѣ неофициальной части было помѣщено слѣдующее объявленіе: „Объ изданіи въ г. Архангельскѣ газеты Архангельскій Городовой Листокъ“.

„Съ разрѣшенія Р. Министра Внутреннихъ Дѣлъ будетъ издаваться въ г. Архангельскѣ при Губернской Типографіи листокъ „Архангельскій Городовой Листокъ“. Цѣль этого изданія: ежедневное сообщеніе чтимымъ жителямъ и привѣжающимъ сюда свидѣній, относящихся до городского благоустройства, движенія торговли, потребностей обыденной жизни и т. п. Листокъ этотъ будетъ заключать въ себѣ собственно текущія извѣстія, именно праздники, торжественная церковная служба, о потребныхъ для коммерческихъ конторъ поставкахъ, къ отпуску на границу, о привозѣ и отвозѣ разныхъ товаровъ, съ показаніемъ со-

*) Всѣхъ указателей за этотъ періодъ имѣется пять. 1) Списокъ статей, помѣщенныхъ въ Арханг. Губ. Вѣдом. по части исторіи, географіи, этнографіи и статистики губерніи, съ начала изданія ихъ въ 1838 году по 1 января 1865 года—И. Чубинскаго напоч. въ Арх. Губ. Вѣд. за 1865 г., №№ 9—10 (съ отд. отиски—8°, стр. 20). 2) 3 указателя статей за 1867 и 1868 годы—напоч. въ №№ 91—102 за 1868 г. и въ № 2 за 1869 г. (отд. отг.—8°, стр. 40) 3) Дополнительный указатель за 1865 и 1866 г. А. Тышинскаго—№ 71 за 1866 г. (отд. отг.—8°, стр. 6). 4) Полный систематическій указатель за 1869—1881 гг. составленъ З. Ахаткинымъ подъ ред. Н. П. Сингурскаго—№№ 45—50, 52, 55, 57—63 и 66 за 1883 г. (издан. отг. 4°, стр. 77) и 5) Полный систематическій указатель за 1882—1887 г.—Н. Ермплова въ №№ 2—4, 5, 7, 8, 11—14, 16—18 за 1888 г. (было отд. изд.) За 1888 годъ существуетъ особое оглавленіе неофициальной части. Изданное на особомъ листѣ.

**) Выходитъ ежедневно. Подписная цѣна на годъ 2 р. 25 к. съ доставкой на домъ въ г. Архангельскѣ и Соломбальскѣ и особливо за каждый номеръ по 1 к. безъ доставки.

АРХАНГЕЛЬСКІЙ ГОРОДОВОЙ ЛИСТОКЪ.

1-го Сентября Суббота 1862 года.

№ 1.

Извѣстія за вчерашнее число.

Подписка съ приложеніемъ денегъ принимается въ Редакціи Губернскаго Правленія, въ Градской и Соломбальской полиціяхъ и въ обществѣ Полицейскихъ Чистыхъ города.

Приходъ и отходъ судовъ.

31-го числа августа пришло судовъ: къ архангельской пристани: изъ Устюга, пароходъ сѣверо-двинскаго пароходнаго общества „Юга“ съ 33 пассажирами и одной баржей съ грузомъ: муки ржаной 1200 пуд., свѣчь: восковыя 40, стеариновыхъ 2, чая 3, льна 35, шубнаго товара 142 (съ Верхояльск. Сѣверной Двины: 2 шубка съ грузомъ: муки: ржан. и 500 п., крупчатой 550, льна 300, гороху 300, крупы греченой 280, толокна 250, крупы овсяной 250, мыла 250, свѣчь сальныхъ 160, льна 280, пеньки 100, сахару 13, ячюу 10, холста 2000 арш., крашеины 500 ар.

Происшествія.

1) У проживающаго въ домѣ купца Егора Суворцова, невенскаго мѣщанина Прокопья Суворцова же украдено разнаго платья на 24 руб.

2) Повреждено бурей два рѣчныхъ карбаса крестьянъ вѣшне-губерній: государтвеннаго—Пялецкаго уѣзда—Михаила Шехурна и удѣльнаго—Шенкурскаго уѣзда—Степана Незавеса; грузъ рыбы в другой тоннар выгруженъ на Буяноаскую пристань, безъ поврежденія. Убытка послѣдовало до 40 руб.

и 3) Той же бурей обломало на Соломбальскомъ мосту до 20-ти сажень перилья. и

стоившихся цѣнъ, торговля биржевая и рыночныя цѣны на продукты, проишествія, скорополитию увериій и необыкновенные случаи, частныя объявленія, адреса, отдача квартиръ, прощанія, предложеніе услугъ; о пріѣхавшихъ и выѣхавшихъ; распоряженія начальства, относящіяся до городскихъ жителей и городского благоустройства.

Архангельскій Городовой Листокъ будетъ издаваться съ 1-го сентября с. г. и выходить ежедневно въ 12-ть часовъ.

Цѣна на годовое изданіе 2 р. 25 коп. за экземпляръ, съ доставкой на домъ въ городъ и въ Соломбальскыя следица, а особо за каждый номеръ по одной коп., безъ доставки. Подписка на полученіе Листка съ предложеніемъ денегъ принимается въ Рельснн Губернскаго Правленія, въ Гралской и Соломбальской Полиціяхъ и въ обѣихъ Подлицейскихъ Частяхъ города. Въ этихъ же мѣстахъ будетъ производиться и продажа номерами безъ подписки.

Редакція Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, принявъ на себя изданіе „Городоваго Листка“, въ видахъ содѣйствія жителямъ Архангельска, а также временно сюда пріѣзжающимъ, въ удовлетвореніе ихъ потребностей, будетъ стараться всякии зависящими отъ нея мѣрами къ осуществленію этой цѣли.

Редакція пожелала бы просить торговое сословіе Архангельска о сообщеніи ей свѣдѣній о вѣсѣ, относящемся до торговли, какъ наприимѣръ: о пріѣхавшихъ вновь товарахъ или ожидаемыхъ къ привозу, съ обозначеніемъ цѣны; а желавице помѣстить частное объявленіе могутъ присылать его заблаговременно, наканунѣ дня выхода Листка, въ Рельснн съ платою за впечатаніе не болѣе 5-ти печатныхъ строкъ въ $\frac{1}{4}$ газетнаго листа—5 коп., 10-ти—10 коп., 25-ти строкъ—15 коп. Неполая строка считается за цѣлую строку. Всѣ статьи, извѣстія и объявленія, доставляемыя въ Редакцію, должны быть за подписью и адресомъ автора*.

Для выполненія приведенной выше программы и задачъ Листка, въ немъ помѣщались Высочайшія повелѣнія (въ видѣ перепечатокъ изъ „Сѣверной Печаты“), городскія извѣстія, о пріходѣ у судовъ, торговыхъ и биржевыхъ цѣнъ, рыночныя цѣны на продукты, проишествія или по нынѣшней терминологіи—полицейскія хроника, свѣдѣнія о прибылн и убылн больныхъ въ больницы Арханг., приказа общественного призрѣнія (разъ въ недѣлю), разнаго рода распоряженія начальства и объявленія отъ Полиціи (объ осмотрахъ, вызовахъ къ торгамъ, аукционахъ и т. п.), балансы Арханг. Конторы Государственнаго Банка, справки о пріѣхавшихъ и выѣхавшихъ и, на опецъ, частныя объявленія.

Изъ архангельскому порту: Россійскихъ судовъ: 7 изъ за границы и 11 съ Мурманскаго берега; на нихъ привезено: рыбы соленою: латусны 2230 пуд., трески 13,950, сайгъ 1,250, пикшуевъ 1,550, семги 320, налимовъ и шукъ 100, языковъ тресковыхъ 36, сельдей 1400 боч., сушеной трески 4,690 п., пикшуевъ 370, тресковыхъ голъвъ 30, соли Русской 2,300, сала трескового 286, шкуръ лисьихъ 1,199 шт., оленьихъ 210 штукъ.

Отшло судовъ отъ архангельскаго порту: Россійскихъ: 5 въ блкоморскія мѣста съ грузомъ: муки ржаной 1,400 пуд., круацатой 20, ячмой 45, ржи 7 четвертей, ячменя 3, овса 1, крупъ равныхъ 135 пуд., пшеиа 46, гороху 26, горошка 42 пуда

Корабли: 10 Английскихъ, 5 Прусскихъ, 3 Датскихъ, 4 Мекленбургскихъ, 1 Голландскій, 1 Ганноверскій, 1 Французскій и 1 Норвежскій, съ грузомъ: льна 245 бунтъ, овала льняной 388 бунтъ, рожекъ 13,156 шт., досокъ сосновыхъ 100, 880 шт., смолы жидкой 4,064 боч., чугуна 5,040 пуд., пера птятиного 160 кп., губы лѣстачной 20 куд., сахарей круачатыхъ 18 мѣш. в языковъ колченоыхъ бычьихъ 15 тух.

Торговля цѣны.

Августа 31 ч. продавались продукты по слѣдующимъ цѣнамъ. Мука ржаная: изъ

разбило у Успенской и Крымской прикатней спусковые плоты.

Частныя объявленія.

При входѣ въ Кафедральнаго Собора потерлнъ знакъ отличія безпорочной службы за XX лѣтъ. Намѣстнаго просить доставить въ домъ купца Бѣлякова, по Троицкому проспекту, Егору Иванову.

Пролетѣтъ тарантасъ, по Троицкому проспекту въ домъ купца Бѣлякова, спросить Дмитрія.

Желаютъ купить щенка изъ породы вололазовъ въ томъ же домѣ Бѣлякова, спросить Егора Павлова.

Распоряженія Начальства.

Дирекція Хлѣбнаго Запаснаго Общественаго магазина, съ разрѣшенія Начальника губерніи, открыла съ 1-го сентября, продажу въ своихъ Архангельскаго и Соломбальскаго магазиновъ ржаной муки по 92 к. за пудъ, тѣмъ изъ городскихъ и соломбальскихъ жителей, которые по ограниченности своихъ средствъ, открыто Августѣ мѣсяцѣ Врмманною Комиссіею будутъ названы имѣющими право пользоваться Дирекціонною мукою.

Продажа муки будетъ производиться ежедневно, кромѣ воскресныхъ и табельныхъ

Для того, чтобы показать, такъ сказать, стиль первой Архангельской ежедневной газеты, мы позволимъ себѣ привести здѣсь хронику или „Городскія извѣстія“ „Листка“ за первый мѣсяцъ его изданія.

№ 4—4 сентября.

8-го сентября въ день рожденія Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича будетъ въ Городскомъ саду гулянье съ 6-ти часовъ до полудни; вечеромъ въ Дворянскомъ Собраніи балъ и городъ иллюминируется.

№ 10—10 сентября.

11-го сентября въ Городскомъ саду данъ будетъ спектакль изъ пьесъ: „Простушка и воспитанная“ и „Цыганка“, гулянье и фейерверкъ. Садъ будетъ иллюминированъ и съ 6-ти часовъ будетъ играть оркестръ музыки и пѣть хоръ пѣсенниковъ.

№ 12—12 сентября.

Въ Четвертокъ 13 числа сентября Пресвященнымъ Наваняномъ, Епископомъ Архангельскимъ и Холмогорскимъ имѣеть быть совершенно освященіе на Городскомъ Кладбищѣ Храма Преображенія Господня, въ которомъ иждивеніемъ покойнаго Потомственнаго Почетнаго Гражданина Петра Кузьмича Куйкина устроить новый Иконостасъ.

№ 13—13 сентября.

Въ субботу 8 числа сентября Прегвѣтыя Богородицы и рожденія Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича, предъ Литургією перенесена крестнымъ ходомъ изъ Архангельскаго монастыря Чудотворная Икона Грузинской Божіей Матери въ Градскую Рождественскую церковь. Въ этой же церкви, Пресвященнымъ Наваняномъ Епископомъ Архангельскимъ и Холмогорскимъ совершена Божественная Литургія, въ концѣ которой наставникъ Духовной Семинаріи Громовъ произнесъ назидательное слово. После Литургіи Пресвященнымъ со всѣмъ городскимъ духовенствомъ отправлено благодарственное молебствіе. Затѣмъ Чудотворная икона, тѣмъ же крестнымъ ходомъ перенесена въ Капелланскій Соборъ.

№ 18—18 сентября.

20-го числа сего сентября въ 12 часовъ дня на выставкѣ произведеній Архангельской губерніи, находящейся въ домѣ Пріюта Св. Петра для бѣдныхъ будетъ совершенно молебствіе Пресвященнымъ Наваняномъ, Епископомъ Архангельскимъ и Холмогорскимъ, въ каковому молебствію Комитетъ выставки приглашаетъ публику, а въ особенности экспонентовъ или представителей произведеній. Вчера на выставкѣ произведеній Архангельской губерніи было посетителей до 300 человекъ.

Со вчерашняго дня начала приводить на выставку рогатый скоть.

Лявокъ по 1 р. 16 коп. за пудъ, въ барокъ и карбасовъ 1 р. 13 к. пуд. Масло: 1-го сорта отъ 6 1/2 до 7 коп. за фун., 2-го 6 к., 3 отъ 3 1/2 до 5 коп. Телятина: 1-го сорта 8 коп. за фун., 2-го 7 коп. 3 отъ 4 до 5 к. Птицы: Куры 18 коп. въ штуку. Цыплята 30 к. за пару. Рябчики отъ 15 до 25 за пару. Тетерева отъ 20 до 50 к. за пару. Утки 20 коп. Гусь 65 коп. за штуку. Яйца: пилонныя 8 к. за десятокъ, дѣшныя 10 к. Рыба съжмая: Стерлядь отъ 50 к. до 1 р. за фун. Семга 22 к. Налимы 6 к. Шукъ 5 к. Окуня 7 к. Сиги отъ 5 до 10 коп. за десятокъ. Масло коровье гнѣтое отъ 16 до 18 к. за фун., коноплянное 16 к., Сѣно отъ 30 до 40 к. за пудъ. Овѣсъ четверт.: Вятскій въ баркахъ 4 руб., Двинской на плотахъ 3 р. 80 коп.

лей, съ 9 часовъ утра до 5 часовъ вечера, тѣмъ, которые предъявлять смотрителю магазиновъ о себѣ записки, что они дѣятельно тѣ, которые признаны Комиссіей на получение муки. Эти записки должны дать о членовникахъ и о составѣ семействъ, ихъ начальства: о мѣщанахъ — отъ мѣщанскаго старосты, о разночинцахъ отъ Полиціи.

Съ 26 ч. минувшаго Августа, начать приемъ сельскихъ произведеній на Губернскую выставку, въ Пріютѣ св. Петра для бѣдныхъ.

О вышедшемъ.

Вчера выхалъ изъ Архангельска въ С.-Петербургъ Членъ Адмиралтейства Совѣта Виле-Адмиралъ Истомина.

20-го числа сентября въ здѣшнемъ Театрѣ по желанію публики профессоромъ физики и Матем. г. Галуше данъ будетъ прощальный спектакль.

Въ этомъ спектаклѣ г. Галуше будетъ показывать „Египетскія тайны“, гдѣ будетъ одѣтъ въ волшебнѣо магическомъ костюмѣ. Между прочимъ будетъ показано: „Ассійскій Поисгаліи или Таинъ военные адресы“; Хромой Голубъ и отрубленная голова скандинавскихъ мертвыхъ игицы; Домашній забираецъ или изъ одного платка будетъ выцвѣно нѣсколько зайцевъ и птицъ и „Девертисментъ“ подъ названіемъ „Гисоли“, составленный изъ пѣнія и музыки.

Въ заключеніе спектакля г. Галуше отрубитъ голову живому человѣку.

Такова была собственно хроника „Город. Листка“, хоти, впрочемъ, и весь остальной матеріалъ газеты больше всего подходилъ подъ названіе хроника.

Надо замѣтить, что, несмотря на общность Редакціи, въ „Арх. Губ. Вѣдомостяхъ“ перепечатывалась только часть матеріала „Арх. Город. Листка“, и то большей частью въ видѣ сводокъ за недѣлю.

Въ такомъ видѣ отдѣльнымъ листкомъ, съ текстомъ въ два столбца на одной сторонѣ „Арханг. Город. Листокъ“ выходилъ все время своего существованія и по вѣдѣшнемъ видѣ его можно отмѣтить лишь слѣдующія перемѣны: съ 15 апрѣля 1865 г. и до конца этого года весь листокъ обводился черной каемкой по краямъ, при чемъ и текстъ № начинался съ самаго верха листка, тогда какъ раньше старались помѣстить его по серединѣ, оставляя сверху и снизу пусто мѣсто. Длина листка бывала различна и всецѣло зависѣла отъ количества печатаемаго матеріала. Подписи редактора пѣтъ ни разу, и каждый № заканчивался лишь указаніемъ типографіи и помѣткой цензуры.

Остается еще указать число вышедшихъ №№ Листка. Издавался онъ, какъ уже упомянуто выше, не исключая и дней послѣ праздничныхъ, и всего было выпущено въ 1862—122 №№, въ 1863—362 №№, въ 1864—361 №№, въ 1865—362 №№ и въ 1866 году—360 №№.

1866-ой годъ былъ послѣднимъ годомъ изданія „Арханг. Город. Листка“. Что послужило поводомъ къ его прекращенію—неизвѣстно. Вѣрнѣе всего то, что съ учащеніемъ выхода „Губ. Вѣдом.“ до двухъ разъ въ недѣлю изданіе Листка уже не представляло такой необходимости, какъ прежде, когда „Губ. Вѣд.“ выходили лишь одинъ разъ въ недѣлю. А можетъ быть были и другія причины.

Ан. Поповъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Грязовецкій курортъ.

— Чтобы близко было отъ Вологды? И чтобы не дорого? Ну, такъ повѣжайте въ Корниліевъ монастырь, чего лучше.

Такъ сказалъ мнѣ врачъ. И я поѣхалъ.

Въ 43 в. отъ Вологды по линіи Вологда-Ярославль расположенъ уѣздный городокъ Грязовецъ, близъ котораго и находится Корниліевъ монастырь. Городокъ начинается тотчасъ отъ станицы и не вполнѣ

правдивость свое название: грязи въ немъ не такъ ужъ много. Можетъ быть, отъ природы тамъ и грязно—почва глинистая, всюду болота,—но въ городѣ три главныхъ улицы вымощены, и двѣ—три боковыхъ замощиваются, а потому онъ много чище другихъ уѣздныхъ городковъ, хотя бы и не съ такимъ выразительнымъ именемъ. Вообще, при сплнкъ 3¹/₂ т. жителей Грязовець удивляетъ благоустройствомъ: улицы освѣщаются хорошими керосино-каменными фонарями, имѣется водопроводъ, и жители берутъ воду изъ „колоннокъ“, которыхъ по нѣсколько на длинныхъ улицахъ. Имѣется также небольшая, но хорошая городская баня, въ которой души устроены не только въ номерахъ или въ „дворянскомъ“ отдѣленіи (за 15 коп.), но и въ 5-ти конеечныхъ.

Не въ примѣръ многимъ гораздо большимъ уѣзднымъ городамъ. Грязовець имѣетъ городской телефонъ соединяющій Корниліево-Комельскій монастырь съ городомъ: телефонъ стоитъ 24 р. въ годъ, но нельзя сказать, чтобы имѣлъ много абонентовъ: это еще вновь.

Въ Грязовцѣ есть женская гимназія, проектируется, кажется, мужская и техническое училище.

Очевидно, потребности въ просвѣщеніи здѣсь существуютъ. Заглядывая въ земскіе отчеты и обнаруживаю, что Грязовецкій уѣздъ занимаетъ одно изъ первыхъ по губерніи мѣстъ въ области школьнаго образованія: въ немъ на 125 т. населенія къ 1 янв. 1912 г. было 159 школъ (одна школа на 784 ч.), т. е. 53°о дѣтей школьнаго возраста учились въ школахъ. А въ образованіи внѣшкольномъ онъ стоитъ впереди всѣхъ уѣздовъ, къ тому же времени въ уѣздѣ было 80 библиотекъ съ 45 т. книгъ; читателей было 5800, число выдачъ 68000. А въ соседнемъ Вологодскомъ уѣздѣ съ его 211 т. населенія число выдачъ было всего 52400, хотя книгами уѣздъ и богаче (50 т.).

Въ самомъ городѣ Грязовцѣ есть земская библиотечка, очень недурная; кромѣ старыхъ книгъ, имѣются и новинки, выписываются журналы. Въ 1912 г. земское собраніе ассигновало 400 руб. на пополненіе библиотечки.

Въ этой библиотекѣ и берутъ книги дачники, живущіе въ монастырѣ. Конечно, для этого приходится ѣздить или ходить въ городъ, но все равно безъ такихъ путешествій не обойтись—многого въ монастырѣ не достанешь, а въ Грязовцѣ есть всевозможныя лавки. Такъ какъ кудечество здѣсь богатое, да и крестьянское населеніе, занимающееся преимущественно льноводствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сбывающее молоко въ маслодѣлнни, имѣетъ нѣрѣдко деньги на рукахъ, то торговля здѣсь приноровлена къ разнообразнымъ потребностямъ городскихъ и деревенскихъ покупателей.

Изъ Грязовца извозчикъ за 1 рубль везетъ въ Корниліево монастырь. (Изъ монастыря въ городъ на монастырской лошади возятъ за ту же цѣну). Дорога шоссепалъ, но въ дождливую погоду довольно грязная, т. е. эти 5 версты за всѣ 10 покажутся. Кто можетъ, ходитъ пѣшкомъ: и не такъ грязно тропой шти и ближе, и дорога веселѣе, т. е. свернувъ съ большой дороги, тропой бѣжитъ лѣскомъ и берегомъ рѣчки Комели.

Далеко еще не доѣзжая до стоящаго на холмѣ монастыря, можно видѣть его сверкающія серебряныя пять главъ. На фонѣ зелени, весь бѣлый, онъ издала красивѣе, чѣмъ вблизи. Монастырь стоитъ не при самой большой дорогѣ: съ версту еще или немного меньше надо проѣхать проселкомъ. На поворотѣ стоитъ монастырская часовня, и ѣдучи

съ рынка или отираваясь куда по своимъ дѣламъ, прѣзжающіе мужички непременно кладутъ свои конейки въ кружку: „преподобному Корнилию-батюшкѣ“ (вмѣсто Корнилій, здѣсь поголовно всѣ произносятъ Корнилій).

На проселкѣ, сбѣгающемъ внизъ къ Комелѣ, расположены монастырскіе дома для дачниковъ, церковно-приходская школа, скотный дворъ.

Горбатый мостикъ съ длинными скамейками вдоль верилъ, „страшная“ (страшнопріемный домъ)—маленькая хибарка, старая и грязная—и мы у воротъ монастыря.

А проселокъ набѣжалъ дальше, къ деревушкѣ „Новой“, стоящей въ сотнѣ саженъ отъ монастыря.

Противъ воротъ бакалейная лавочка городскаго купца, къ ней придѣлана веранда, затянутая холстомъ, стоятъ столики: „фруктовый воды“. Прямо отъ воротъ, замѣняя собою часть ограды, тянется длинное каменное двухэтажное зданіе съ балкономъ; это гостиница. На балконѣ вывѣска: „обѣды отъ 1 ч. до 5 ч. дня“. Кухню держитъ тотъ же кузнецъ. Подъ балкономъ на крыльцѣ прибито меню обѣдовъ, тутъ всегда сидитъ толстый поваръ.

Въ гостиницѣ №№ посуточно 50 к.—1 р., помѣсячно—внизу 10 р., наверху 15 руб. въ мѣсяцъ. Номера неважные, и запахъ въ коридорѣ плохой. Но все-таки въ теченіе сезона (іюнь—іюль) обыкновенно всѣ 22 номера заняты. Заняты бываютъ и монастырскіе 5 домовъ, раздѣленные на квартиры и номера, цѣною отъ 10 до 50 рублей въ мѣсяцъ заняты бываютъ и оба этажа школы, которую тоже сдаютъ въ наемъ.

Кромѣ того, нѣкоторые дачники поселяются въ Новой деревнѣ. Это самый дешевый способъ прожить при монастырѣ: крестьяне сдаютъ свои избы цѣликомъ, или только „горницу“ (ноль-избы), или одну комнату. Горница въ 2—3 комнаты идетъ за 5—6 рублей, цѣлая изба за 10—11 рублей. Въ томъ числѣ „мебель“ (очень, конечно, скромная, но по деревенскимъ требованіямъ достаточная), самоваръ и прочія услуги, вплоть до приготовленія нища однокимъ жильцамъ изъ ихъ провизіи.

— Ужъ, конечно, мы по-деревенски, какъ умѣемъ, не взыщите, извиняются хозяйки и приготавливаютъ, правда, плохо. Но и въ гостиницѣ, гдѣ обѣдъ изъ 2-хъ блюдъ стоитъ 50 к., а изъ 3 бл.—60 к., кормятъ плохо. Лучше всего, конечно, кто можетъ, самимъ покупать провизію въ городѣ и самимъ же готовить обѣды; въ деревнѣ и въ дачныхъ домахъ это возможно, т. к. тамъ есть кухни. Живя въ гостиницѣ, приходится, конечно, брать тутъ же и обѣды.

Значительное большинство дачниковъ прѣзжаютъ сюда пользоваться горячими ваннами, но есть и такіе, которые просто предпочитаютъ провести лѣто здѣсь, въ деревнѣ, гдѣ можно и въ лѣсъ пойти погулять, набрать въ изобиліи грибовъ и въ рѣкѣ искупаться, а не въ Грязовцѣ, гдѣ вокругъ города болото, рѣчки нѣтъ, а гулять всѣ ходятъ на маленький „Святой“ прудъ, окруженный двойнымъ кольцомъ березовыхъ аллей. въ центрѣ города.

Нѣкоторые прѣзжаютъ даже изъ Вологды, привлекаемые денощницей жизни на этомъ своеобразномъ курортѣ.

Но большинство, повторяю, пользуются ваннами. По изслѣдованію д-ра Соколова (еще въ 1874 г.) составъ воды въ здѣшнихъ источникахъ таковъ:

На 10 ф. воды содержится грантъ:

Сѣрно-кислой извести	1.880
Хлористой извести	2.120
Хлористой соды	0.470
Углекислой соды	18.711
Углекислой извести	7.000
Желѣза	2.095
Углекислой магнезін	2.500
Глинозема	1.500
Органическихъ веществъ	3.787
Кремневой кислоты	слѣды.
Йода	тоже.
Сумма твердыхъ составн. частей	40 грантъ.
Полусвязной углекислоты	9.950
Свободной углекислоты	5.850
Присутствіе сѣроводорода	—

Температура воды источника (по R.): при -26° въ воздухѣ— $+15^{\circ}$, при -20° въ воздухѣ— $+8^{\circ}$ (?).

Оказывается, дѣломъ вода холоднѣе, чѣмъ зимою.

Дѣйствительно, тѣ, кто отваживается брать холодныя ванны, рассказываютъ, что вода прямо обжигаетъ холодомъ: оно и попятно: 5° !

Зданіе, гдѣ помѣщаются ванны, расположено въ $\frac{1}{2}$ версты отъ монастыря и состоитъ изъ двухъ длинныхъ одноэтажныхъ избъ, соединенныхъ крытымъ крылечкомъ. Надъ каждой избой маленькій куполь съ крестомъ. Въ старой половинѣ—холодныя ванны, въ новой горячія. Въ 12 кабинокъ проведены трубы отъ бака, устроены краны, поставлены цинковыя ванны. Въ бакъ воду накачиваетъ руками старичекъ—дѣдушка, топитъ печь, согрѣвающую воду въ бакѣ, тоже наемный кочегаръ. Въ самихъ кабинкахъ прислуживаютъ молодой паренъ-послушникъ и старуха-трудница, т. е. пошедная „по общанію“ на годъ служить преподобному. Такихъ трудницъ при монастырѣ не менѣе 10, онѣ ходятъ за скотиной, убираютъ сѣно и хлѣбъ, прислуживаютъ больнымъ и т. д.

Когда же приходите принимать ванну, ее при васъ же вымываютъ горячей водой и тряпкой. Къ сожалѣнію, вода изъ крана не превышаетъ 40° , а тряпка—одна для всѣхъ ваннъ. Вымоетъ служитель ванну, выжметъ тряпочку и повѣситъ ее на гвоздикъ въ коридорѣ; а черезъ минуту ею же моетъ уже другую ванну. Лишь въ концѣ этого сезона (1913 г.) заведена была жесткая щетка съ зеленымъ мыломъ; и то вскорѣ зеленое мыло съ успѣхомъ уже замѣнилось простымъ голубымъ.

Впрочемъ, такъ какъ здѣсь дѣлается, главнымъ образомъ, ревматика, то бояться какой-нибудь заразы нѣтъ особыхъ основаній. Обмываніе ваннъ и служить, собственно, не для обеззараживанія, а для того, чтобы смыть осѣдающую на стѣнкахъ грязь отъ воды и отъ той соли (морской или простой), которую всыпаютъ въ ванны больные. Соль эту покупаютъ тутъ же въ лавочкѣ у монастыря.

Принимающіе горячія ванны соблюдаютъ, конечно, предписанія врача *) и слѣдятъ за температурой воды (обычно принимаютъ въ 30° ,

*) Кстати сказать, ни „курортъ“ нѣтъ ни врача, ни фельдшера. Есть зато стражникъ, пронесывающій паспортъ.

немного выше и немного ниже; на стѣнѣ въ коридорѣ виситъ десятокъ термометровъ... и всѣ разные. На нихъ надписи карандашемъ: „вѣрный“, „показываетъ на 1 гр. меньше“, „на 2 гр. больше“ и т. д. по и эти указанія невѣрны. Кто знаетъ это обстоятельство, покупаетъ въ городѣ термометръ, выбираетъ его у врача и потомъ уже спокойно пользуется имъ. Другіе же стараются измѣрять температуры ваннъ всегда однимъ и тѣмъ же, хотя бы и невѣрнымъ, термометромъ: по крайней мѣрѣ, будетъ соблюдаться послѣдовательное увеличеніе или уменьшеніе температуръ, предписанное врачомъ.

Сидятъ въ ваннахъ по 15—20 минутъ; у кого нѣтъ часовъ, тѣмъ служитель или служительница говорятъ время, пользуясь стѣнными часами, висящими въ коридорѣ.

За каждую горячую ванну уплачивается 25 коп., за холодную 5 к. При этомъ безразлично, сколько вы ваннъ берете, одну или 10, или 30: никакой разницы въ цѣнѣ при абонементѣ нѣтъ. На „случайныя“ ванны выдаются каждый разъ билеты; постоянные больные записываются въ книгу и могутъ уплатить въ концѣ сезона за весь курсъ по точному подсчету принятыхъ ваннъ.

Обыкновенно больше 30 ваннъ не принимаютъ. Какъ разъ мѣсячный курсъ. Въ разгаръ сезона за день въ ваннахъ бываетъ до 100 чел. Среднее 60 ваннъ.

Послѣ ванны тѣло очень ослабѣваетъ и требуетъ отдыха. Такъ, какъ рекомендуется принимать ванны въ промежутокъ отъ 11 ч. у. 4 ч., т. е. въ наиболѣе теплое время дня, то въ жаркую погоду можно видѣть, какъ влачатся разслабленныя фигуры отъ ваннъ къ монастырю, обливаясь потомъ и часто присаживаясь на скамеечки. Къ счастью, скамеечекъ много, онѣ часто разставлены по двумъ тѣнистымъ березовымъ аллеямъ, идущимъ отъ ваннъ съ двухъ сторонъ къ монастырю. Эти аллеи и открывающійся съ нихъ пейзажъ на рѣку и луга—самое красивое, что есть въ монастырѣ.

Вообще, тамъ природа небогатая. Кругомъ есть лѣсочки, но все болотистые. По вечерамъ надъ рѣкой и надъ лугами подымается туманъ, и тогда всѣ ревматикн съ 8 часовъ уже спятъ дома.

Туманъ окутываетъ и нижніе этажи жилищъ; не добирается онъ только до высоко-стоящей Новой деревни и одного изъ дачныхъ домовъ, что на горѣ.

Изъ-за этого тумана, изъ-за сырой почвы и росистыхъ вечеровъ и утръ очень сокращается возможность гулять. Больной поневолѣ чувствуетъ себя именно больнымъ, а не развлекающимся дачникомъ. Да и общій тонъ жизни такой, что не приходится говорить о развлеченияхъ: нѣтъ никакого объединяющаго дачниковъ учрежденія, гдѣ они могли бы собраться, познакомиться, поболтать, повеселиться тѣмъ или инымъ способомъ; чувствуется, что хозяева курорта—монахи. Одному изъ дачниковъ, пожелавшему развлекаться патефономъ, настоятель монастыря (по жалобѣ благочестивой сосѣдки-дачницы) разрѣшилъ это удовольствіе подъ однимъ условіемъ: допускается только духовное пѣніе.

Зато въ Новой деревнѣ въ одной изъ избъ каждый вечеръ граммофонъ выкрикивалъ частушки, „Захочу—полюблю“ и т. под. Это—въ предѣлахъ досягаемости.

Пожилые люди знакомятся при выходѣ изъ церкви; но этихъ благочестивыхъ дачниковъ, сосѣдствующихъ службы, немного. Любители цер-

многа пѣнія признають, что здѣшній хоръ пость „неблаголѣбно“, съ нимъ согласенъ: нестройный хоръ и голоса не очень хороше.

Молодежь и люди среднихъ лѣтъ группируются кучками. — по прежнему знакомству. Часто можно видѣть одинокія скучающія фигуры. Скамейки, среди надписей „Были такого-то числа такіе-то“. „Ахъ, какъ и люблю такого-то (рѣже такую-то)“, среди кружковъ, внутри которыхъ написано „я здѣсь поцѣловала“ и т. вид. наивнаго вѣдора, посятъ на себѣ и свидѣтельство недовольства здѣшнею жизнью. Такъ, напр., на одной кто-то восклицаетъ: „Ну, и дачники! Настоящіе ходячіе мертвцы! Живые трупы! Ну, и природа—ничего хорошаго“ и т. д. На другой скамейкѣ недовольный еще рѣшительнѣе пишетъ: „Прощай, смѣшной курортъ, гдѣ дачники другъ друга всѣ дичатся! Поцелуй меня, какъ видно, чортъ сюда купаться!“ (Кстати, замѣчательное явленіе: на скамейкахъ цѣтъ ни одной непристойной надписи).

Недовольные, со своей точки зрѣнія, пожалуй, правы, но въ то же время надо признати, что „смѣшной“ Корниліево-Комельскій курортъ можетъ быть хорошиимъ мѣстомъ для лѣтняго отдыха и для лѣченія ревматизма и подобныхъ болѣзней тѣмъ небогатымъ людямъ, которые не ищутъ развлеченій, знакомствъ, не стремятся проводить время въ пикникахъ или танцевальныхъ вечерахъ, а могутъ довольствоваться скромной обстановкой, обществомъ своей семьи, если она имѣется, или обществомъ книгъ.

Нѣкоторые дачники завязываютъ знакомство съ монахами и послушниками. Ихъ здѣсь немного: игуменъ—о. Александръ,—три іеромонаха, 4 діакона, около десяти послушниковъ, часто хѣляющихся въ своемъ составѣ. Послушники несутъ различную службу: при „страшной“—присматривать за приходящими богомольцами и нищими и заботиться объ ихъ накормленіи; въ ваннахъ раньше тамъ былъ наемный служитель, но за нѣяство былъ изнанъ и замѣненъ собственнымъ келейникомъ настоятеля; послушники вѣдуть въ городъ на почту, забираетъ тамъ корреспонденцію дачниковъ; другой—мальчикъ лѣтъ 11—разноситъ ее адресатамъ. Впрочемъ, многіе дачники пользуются въ этомъ отношеніи услугами лавочника, имѣющаго тоже ежедневное сообщеніе съ городомъ. Послушники же участвуютъ и въ хорѣ. Монастырь построенъ прец. Корниліемъ Комельскимъ въ XIV или въ XV столѣтіи, точно не знаю. Во всякомъ случаѣ, уже въ 1538 г. монастырь владѣлъ той землею, на которой нынѣ стоитъ Грязовецъ, а тогда стоялъ починокъ, выросшій потомъ въ село Грязовицы. Старыя бумаги и книги въ монастырѣ сгорѣли, не существуетъ, кажется, никакихъ и надписей, свидѣтельствующихъ о возрастѣ монастыря. Возможно, что и на этотъ счетъ и ошибаюсь; лично же я видѣлъ только доску на колокольнѣ съ такой надписью: „Лѣта 1599 сентября въ 1-й день построена бысть сія колокольница, при Благоуѣрномъ и Великомъ Князѣ Борисѣ Федоровичѣ всея Русіи и при Архіепископѣ Іонѣ Вологодскомъ и при Игуменѣ Іосифѣ сея честныя обители труда мастера инокъ Матвоя, а совершена бысть при игуменѣ Алексѣѣ 1604 года“. Эта надпись сдѣлана на чугушной доскѣ, и разобрать ее очень трудно; подъ нею на желѣзномъ листѣ написанъ, видимо, въ недавнее время текеть ея современными шрифтомъ.

Въ архитектурномъ отношеніи монастырь не поражаетъ ни красотой, ни величественностью. Несомнѣнно, многое въ немъ испорчено неумѣлою реставраціей.

Въ смыслѣ стилиности и красоты постройки, а особенно живописности окрестностей выгодно отличается отъ Корниліево-Комельскаго монастыря находящійся въ 8 в. отъ него монастырь Павло-Обиорскій. Тамъ прекрасный сосновый боръ, рѣка Обнора, вокругъ очень красивы пейзажи: климатъ болѣе сухой и здоровый. Ваши тамъ нѣтъ, но дачниковъ всегда много. Собственно, это не дачники, а „богомольцы“. Въ Павловѣ монастырѣ парадъ съ другими древностями *) интересна часовня на вершинѣ покрытаго сосной и елью искусственнаго холма („Голгофа“): тамъ порецъ деревяннымъ распятіемъ съ фигурою Христа стоятъ двѣ вырѣзанныя изъ дерева и раскрашенныя статуи въ ростъ человѣческой—Богородицы и Маріи Магдалины. Какъ извѣстно, скульптура въ православной церкви уже давно не допускается, и только изрѣдка можно встрѣтить подобныя остатки того періода, когда изображенія скульптурныя ставились въ церквахъ наряду съ живописью. По стѣнамъ часовни висятъ большіе холсты масляными красками—педурныя копія съ иностранныхъ мастеровъ: „Страстный путь Христа“, „Возложеніе терноваго вѣнца“ и др.

Въ Павловѣ монастырь ходятъ и вѣзятъ изъ Грязовца и изъ Корниліева. Особенно большое движеніе бываетъ, когда образъ св. Павла Обиорскаго переносятъ въ городъ и потомъ обратно изъ города. Также вѣзятъ и образъ св. Корнилія-Комельскаго. Это перенесеніе—праздникъ для всего города. Всѣ магазины закрываются, цѣлый день звонятъ колокола, все духовенство, все начальство и едва ли не всѣ обыватели идутъ съ крестнымъ ходомъ. Въ городъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль образъ преподобнаго носятъ по приглашенію въ дома обывателей.

Выѣздъ съ возвращеніемъ образа преп. Корнилія въ монастырь (13 авг.) совершенно заканчивается сезонъ на Корниліевскомъ курортѣ. Развѣзжаются послѣдніе дачники, увѣзжаетъ и лавочникъ. Ванны прекращаются уже числа 8—10-го. Жизнь замираетъ, и монахи остаются одни до слѣдующей весны, когда потянутъ сперва нѣшіе богомольцы, а потомъ начнутъ съѣзжаться и большіе.

Б. Пересъ.

Зырянскіе Ома.

(Изъ записной книжки случайнаго путешественника).

Въ жаркую лѣтнюю пору, въ самый разгаръ сѣнокоса, пришлось мнѣ побывать въ верховьяхъ Вычегды, этой чисто-зырянской рѣки, текущей среди дремучихъ когда-то лѣсовъ, истребляемыхъ въ настоящее время довольно безтолковымъ и немилосерднымъ образомъ.

Впередъ я проѣхалъ на пароходѣ, но увы, это былъ послѣдній рейсъ, совершаемый въ видѣ прощальнаго визита зырянскимъ захолустьямъ, затерявшимся на далекомъ сѣверѣ. Мелководье было ужасное. Пески загроздили всю рѣку, перекидываясь длинными косами съ берега на берегъ. Въ одномъ мѣстѣ я видѣлъ купающихся ребятъ-шекъ, которые свободно переходили Вычегду, дѣлая въ то же время смѣшныя рожи по адресу воззущаго среди песковъ парохода. Словомъ случилось такъ, что судоходство прекратилось до осени, лишивъ цѣлый край культурной связи съ остальнымъ міромъ.

*) Преп. Павелъ Обиорскій основатель монастыря въ концѣ XIV в.

Въ верховьяхъ Вычегды я прожилъ не долго, не болѣе недѣли. дѣла мои были кончены. Надо было подумать о возвращеніи. Я невольно вздохнулъ при мысли объ удобномъ, хотя и шумномъ пароходѣ—и пустился назадъ уже по земскому тракту, подолгу задерживаясь на ямскихъ станціяхъ, гдѣ мнѣ не торопились подавать лошадей, оправдываясь недосугомъ по случаю страднаго времени.

Признаться, мнѣ самому было немного совѣстно отрывать крестьянъ отъ работы, но сидѣть въ какой-нибудь зырянской деревушкѣ и ждать конца сѣнокоса тоже не представлялось возможнымъ. У меня было снѣжное дѣло, не допускающее и мысли о болѣе или менѣе продолжительной остановкѣ. Приходилось даже перѣдко предъявлять свой „земскій билетъ“, дающій мнѣ право требовать подводу съ платою установленныхъ прогоновъ.

Это былъ драгоценный документъ, укрощающій самыхъ строптивыхъ содержателей станцій. Дѣйствіе этого билета было поразительное. Ямщики дѣлали кривую фізіономію и, лѣтливо поворачиваясь, уходили запрягать лошадей, при чемъ они нарочито-долго и нарочито-старательно смазывали колеса у телѣги, предназначавшейся подъ мою персону.

Счастье еще для меня, что я плохо понималъ по-зырянски. иначе мнѣ пришлось бы выслушать много неслезныхъ замѣчаній по адресу своей особы, путешествующей въ разгаръ сѣнокоса, когда для крестьянина—какъ выразился одинъ изъ ямщиковъ—каждый часъ десять рублей стоитъ.

Впрочемъ, по правдѣ говоря, взрослые работники-мужчины вели меня рѣдко. чаще же всего на козлахъ красовалась тоща костлявая фигура какой-нибудь дряхлой старухи, или же сидѣлъ съ комически-важнымъ видомъ мальчикъ-подростокъ, которые и доставляли меня до слѣдующей станціи.

Изъ одного села повезъ меня сѣдой, какъ лунь, старпекъ-зырянинъ, отставной заслуженный солдатъ, свободно объясняющійся по-русски, благодаря чему, я могъ съ нимъ перекинуться нѣсколькими словами.

— Что, дѣдушка, много здѣсь бываетъ проѣзжающихъ?—спросилъ я его, трясаясь въ гробоподобномъ тарантасѣ, тащущемъ на востланыхъ поперекъ дороги жердяхъ, которыми заботливое земство замостило особенно грязныя мѣста.

— А это когда какъ. Напримѣръ, теперь, кромѣ почты, почти никто не ѣздитъ. Кому охота въ такую жару тащиться! А осенью и зимой проѣзжающихъ бываетъ достаточно. Однихъ лѣсныхъ приказчиковъ сколько проѣдетъ—страсть!

— И, навѣрное, вы получаете большую выгоду отъ этихъ приказчиковъ?—полюбопытствовалъ я, зная по наслышкѣ, что служащіе архангельскихъ лѣсопромышленныхъ фирмъ щедро платятъ за прогоны и вообще любятъ подъ веселую руку сорить хозяйскими деньгами.

— Да, пользуемся иногда,—ухмыльнулся старпекъ.—Приказчики—народъ богатый, ничего не жалѣютъ для своего удовольствія. Жилъ у насъ въ прошломъ году одинъ довѣренный, человекъ холостой и выходящій, такъ онъ что дѣлалъ? Собретъ, бывало, въ пьяномъ видѣ бабъ и дѣвокъ, сидеть въ большія дорожныя сани, да и командуетъ: „эй, красавицы, везите меня по селу! Запрягайтесь въ оглобли, чортъ васъ поберитъ! А за вашу лошадиную прыть даю вамъ всѣмъ по цѣл-

ковому въ зубы!.. А бабы, конечно, тому и рады. Живехонько претцають его по селу и по цѣлковому въ зубы получаютъ. Потѣха!

— Мужики не препятствуютъ бабамъ возиться съ приказчиками?

— Нѣтъ, зачѣмъ препятствовать. Вѣдь, цѣлковые на улицѣ не валяются.—какой дуракъ станетъ отъ нихъ отказываться. Да и нельзя мужикамъ ссориться съ приказчиками. Приказчики сортовой лѣсъ заготовляютъ, а на сортовой заготовкѣ вся наша полость работаетъ. Какъ тутъ смѣешь препятствовать!

— А много можно заработать на этой заготовкѣ?

— Нѣтъ, какое тамъ много. По, все-таки, на подать и на выпивку зашибаютъ. Вѣдь, много только Оома паживаетъ, даромъ, что такой же сиволаный мужикъ, какъ всѣ прочіе...

— Какой Оома?

— Неужто Оому не знаете?—какъ будто удивился ямщикъ, повертывая ко мнѣ свою бѣлую бороду.

— Не знаю.

— Да, ну!

— Право, не слыхалъ о такомъ.

— Да его въ Петербургѣ знаютъ! Онъ недавно къ министру съ прошеніемъ ѣздилъ... Въ Думѣ побывалъ, Царя повидалъ... Даромъ, что зырянинъ, какъ мы! Вотъ!

Въ голосѣ ямщика послышались хвастливыя нотки. Онъ, видимо, гордился тѣмъ, что такой же зырянинъ, какъ онъ, ѣздилъ къ министру въ Петербургъ, гдѣ даже побывалъ въ Думѣ и повидалъ Царя. Это меня заинтересовало. Я спросилъ его:

— Чѣмъ же прославился этотъ Оома? Вѣроятно, онъ очень хорошій человекъ, если такой знаменитый?

— Да, хорошій... даже слишкомъ хорошій!—иронически засмѣялся старикъ.— Избави насъ Богъ отъ такихъ хорошихъ людей! Лучше бы подалше отъ нихъ быть, ей-Богу!

— А что?

— Хитрый онъ, лукавый, какъ бѣсъ, никакого закона не признаетъ, всѣхъ надуваетъ, всѣхъ обижаетъ, всѣмъ грубости говорить, а самъ живетъ, какъ баринъ, какъ помѣщикъ... Деньги лопатой загребаетъ... Да вотъ увидите сами, каковъ нашъ Оома...

— Гдѣ я его увижу?

— Я васъ къ нему привезу. У него земская станція. Онъ содержателемъ состоитъ...

— Значитъ, онъ въ сосѣднемъ селѣ живетъ?

— Да, да. Черезъ часъ у него будемъ. Онъ всегда дома сидитъ, музыками забавляется... Его всегда у окошечка увидѣть можно... Ему что! Еще осенью шестьсотъ цѣлковыхъ за дѣлянку получилъ...

— За какую дѣлянку?

— За лѣсную дѣлянку. На торгахъ по ручательству купилъ, а потомъ фирмѣ продалъ... Полтораста человекъ за него поручались. А теперь этимъ поручителямъ, кажется, платить за него придется... штрафъ какой-то... Вотъ и ручайся за такихъ хлюстовъ!

На этомъ разговоръ оборвался. Возница подобралъ возжи и сигналь лошадей, наполняя воздухъ звономъ большого мѣднаго колокольчика, вѣсѣвшаго подъ дугой.

По сторонамъ тинулись поля, засѣянные ячменемъ, который уже началъ желтѣть, клонясь къ землѣ подъ тяжестью увѣсившихъ колось-

Въ отдаленіи видѣлась рожь, волнующаяся подъ напоромъ налетавшаго вѣтра, приносящаго ко мнѣ аромать дикихъ цвѣтовъ. Мѣстность была унылая, гризная, холмистая, покрытая кое-гдѣ группами чахлаыхъ деревьевъ, не имѣющихъ ничего общаго съ тѣми „величественными соснами, кедрами и лиственницами“, какія обыкновенно видятъ нѣкоторые путешественники, но слѣзające даже съ парохода при „поѣздкѣ“ по зырянскому краю.

Дорога повернула влѣво и пошла подъ гору, сбѣгая на берегъ Вычегды, теченію которой она слѣдовала. Поля остались позади. Впередѣ открывался широкій просторъ заливныхъ луговъ, кишѣвшихъ работающими на нихъ крестьянами, казавшимися съ горы маленькими разноцвѣтными точками, колошавшимися на фонѣ зелени.

— Э, сколько тамъ народу! И всякъ въ потѣ лица старается!— вздохнулъ ямщикъ и придержалъ коней, чтобы не опрокинуть тарантасъ при крутомъ спускѣ пожни.

На меня пахнуло тѣмъ характернымъ, сильно бьющимъ въ носъ ароматомъ свѣже-скошеннаго сѣна, который такъ радуется сердце крестьянина, считающаго хорошиі урожай травы равнозначущимъ хорошему урожаю хлѣба. Мы поѣхали по дугамъ, кишѣвшимъ жизнью и движеніемъ. Передо мной замелькали бѣлыя, синія, розовыя и ярко-красныя рубашки мужчинъ, косившихъ траву косами-горбунами, ярко блестящими на солнцѣ. Дѣвушки были въ цвѣтныхъ сарафанахъ и кофточкахъ, спитыхъ съ претензіей на „моду“. Въ косахъ у бабъ развѣвались алія и голубыя ленточки, служившія несомненнымъ доказательствомъ ихъ „дѣвическаго положенія“. На женщинахъ же красовались только одиѣ исподнія рубашки, еле доходившія до коленъ.

— Однако, ваши бабы не стѣсняются,—замѣтилъ я ямщику:— въ одномъ бѣлѣ работаютъ.

— Чего стѣсняться?—прекладокровно возразилъ мнѣ старикъ.— Вѣдь, онѣ не дѣвки, а бабы. А бабамъ и Богъ велѣлъ безъ сарафановъ ходить. Ежели жара такая... Вотъ онѣ и сняли сарафаны!

Я глядѣлъ по сторонамъ и видѣлъ такихъ же мужиковъ и бабъ, какъ и въ средней полосѣ Россіи. Разницы почти никакой не было. Тѣ же загорѣлыя, потертыя нуждою лица, выражающія вѣчную заботу о хлѣбѣ пасущимъ; тѣ же лохматыя, всклокоченныя бороды у мужчинъ, работающихъ съ обычнымъ крестьянскимъ усердіемъ; наконецъ, то же стремленіе одѣться въ ситцы пестрыхъ цвѣтовъ, до чего, какъ я замѣтилъ, зыряне большіе охотники...

Я сидѣлъ въ быстро несущемся тарантасѣ и думалъ объ одномъ путешественникѣ, ухитрившемся подмѣтити на лицѣ зырянина черточки несомнѣннаго китайскаго происхожденія...

Это заставило меня вспомнить о томъ, какъ ифѣй, весьма умный и весьма ученый гѣменкій профессоръ, побывавшій въ Россіи въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, описалъ русскую православную общину, которая, по его словамъ, начиналась возгласомъ: „Во имя Государя Императора и Паслѣдника Цесаревича“...

— Э, да вотъ и самъ Оума, про котораго я вамъ рассказывалъ,— возкликнулъ ямщикъ, натягивая возжи.— Ниль ты, на пожни даже выѣхалъ, не побоялся, что лопнетъ на такой жарѣ! Видите, какое у него пузо—точно у беременной бабы... Тыфу!

Я поднялъ голову. Впередѣ видѣлся повенскій, чистецкій тарантасъ, запряженный въ одну лошадь, стоявшую поперекъ дороги. Въ

тарантасѣ сидѣлъ тучный широкоплечій человѣкъ въ красной рубашкѣ, утирая бѣлымъ платкомъ смуглое одулоплатое лицо, обросшее черною, какъ смола, бородою, опускавшеюся почти до половины груди. Вѣтеръ сильно взлохматилъ его черные же волосы, не прикрытые фуражкой, которую онъ держалъ въ лѣвой рукѣ. Передъ нимъ стояли два мужика и три бабы, имѣющіе видъ провинившихся школьниковъ, распекаемыхъ строгимъ учителемъ.

— Я остановлюсь тутъ на минутку... поговорить мнѣ надо,—полувопросительно обратился ко мнѣ возница и, не дожидаясь отвѣта, осадилъ лошадей въ двухъ шагахъ отъ Оомы, обернувшись на звонъ колокольчика.

Я поглядѣлъ на этого знаменитаго зырянина, онъ поглядѣлъ на меня, и оба мы промолчали, сдѣлавъ видъ, что не интересуемся другъ другомъ. Зато мой ямщикъ съ суетливою поспѣшностью стащилъ съ головы свой картузь и затараторилъ съ толстякомъ по-зырянски, величая его Оомой Даниловичемъ.

Разговоръ у нихъ тянулся, однако, недолго. Оома рѣзко оборвалъ его на какомъ-то словѣ (если только не на полусловѣ) и устремилъ на меня свои большіе, острые, насмѣшливые глаза, бѣлки которыхъ были залиты кровью, что придавало его лицу выраженіе коварства и жестокости.

— Не знаю, какъ васъ звать-величать,—заговорилъ онъ глухимъ хриплымъ басомъ, вылетавшимъ изъ его груди, точно изъ порожины бочки.—Можетъ быть, вы очень большой чиновникъ, а можетъ быть и совсѣмъ маленький: на лбу у васъ ничего не написано!..—Онъ ухмыльнулся и продолжалъ:—А я содержатель той станціи, до которой васъ Григорій везетъ. Зовутъ меня Оомой Лекмортовымъ... можете слыхали?

— Нѣтъ, не слыхали.

— Ну, можетъ, и не слыхали. Гдѣ же слышать про такого бѣднаго человѣка, какъ я!—съ отпѣлкомъ язвительной ироніи сказалъ Лекмортовъ.—Такъ, вотъ, вашъ ямщикъ говоритъ, чтобы вы пересѣли въ мой тарантасъ, а его отпустили домой. Я тоже домой сейчасъ поѣду и могу васъ увезти по-пути. Можно?

— Я ничего противъ этого не имѣю. Надо только уплатить ему прогоны...

— Прогоны вы мнѣ же уплатите,—перебилъ Оома:—а мы съ нимъ потомъ раздѣлаемся. Вѣдь, такъ, Григорій?—обратился онъ къ моему возницѣ, глядѣвшему на него съ видимымъ подобострастіемъ.

Тотъ утвердительно закивалъ головой.

— Такъ, такъ, Оома Даниловичъ. Ужъ мы съ тобой сладимся. Объ этомъ и толковать не стоитъ.

— Ну, пожалуйста сюда, коли такъ,—указалъ мнѣ Оома на свой тарантасъ.—Сегодня я васъ до дому доведу, а завтра дальше отправлю.

— Какъ завтра?

— А такъ, когда завтрашній день настанетъ!

— Но я хотѣлъ бы безъ задержки ѣхать.

— Мало-ли чего вы не хотѣли бы! А ежели у меня лошадей нѣтъ?

— Но я ѣду по билету земской управы.

— Вотъ вы и запрягайте свой билетъ, да и поѣзжайте на немъ, если не терпится!—грубо захохоталъ Оома, перебивая меня.—А лошадей до утра не будетъ. Не на себѣ же мнѣ васъ тащить!

— Ничего, услѣдете еще,—выпался въ разговоръ мой ящикъ, желая, вѣроятно, смягчить грубость Лекмортова.—Ома Даниловичъ не такой человѣкъ... Онъ не задержитъ васъ зря...

— А ты, Григорій, не суйся въ чужое дѣло!—по-русски же прикрикнуть на него Ома, сердито хмузя брови.—Я не съ тобой говорю! Такъ что же, согласны со мной ѣхать или не согласны?—спросилъ онъ меня, старательно вытирая платкомъ лицо и шею.

— А вы не побѣдете меня?—освѣдомился я, не зная, какъ отпестись къ вызывающимъ словамъ этого грубияна.

Ома опять засмѣялся.

— Пѣтъ, я только дураковъ бью, которые меня оскорбляютъ. А вы, вѣдь, не дуракъ, кажется.

— А вы почему знаете?

— Я по разговорѣ васъ вижу. Да и лицо у васъ не совѣтъ дурацкое...

— Какой вы проникательный, однако!—неволью улынулся я и началъ вылѣзать изъ толги Григорія, чтобы пересѣсть къ этому толсто-брюхому зырянину, на котораго мой земскій билетъ не произвелъ ожидаемаго впечатлѣнія.

Ома освободилъ для меня мѣстечко въ тарантасѣ, указалъ Григорью, куда примостить мой чемоданъ, и сердито заоралъ на двухъ мужиковъ и трехъ бабъ, стоявшихъ передъ нимъ въ моментъ моего приезда.

Тѣ смиренно выслушивали его крикотню, изрѣдка вставляя какія-то односложныя слова, отъ которыхъ онъ еще пуще разгорячался и брызгалъ слюнами, снабжая свою зырянскую рѣчь чистѣйшимъ русскимъ матернымъ ругательствомъ, звучащимъ въ его устахъ особенно грубо и выразительно.

— Уджавны коло! Уджавны коло!—повторилъ онъ нѣсколько разъ и, взявъ въ руки возжи, тронулъ лошадь, пугливо бросившуюся впередъ при первомъ движеніи хозяина.

— Что значить: уджавны коло?—спросилъ я у Омы, когда мы уже отѣхали отъ мѣста остановки.

— Это значить: работать надо! Я ихъ за лѣность пробиралъ, за то, что они мало сѣна скосили. Безъ ругани съ ними нельзя, ничего отъ нихъ не добьешься...

— Это ваши работники, что-ли?

— Да, поденщики. Я имъ деньги плачу, а приѣзжаю, вижу: они подъ кустомъ лежать, покуриваютъ, никакихъ не признаютъ. Точно чиновники какіе нибудь, которые даромъ жалованье получаютъ!

— Очень ужъ жарко теперь,—замѣтилъ я.—Можетъ, они только ненадолго прилегли отдохнуть въ тѣни.

— Отдыхать поденщикамъ не полагается!—проговорилъ Ома тономъ непреложнаго убѣжденія.—Развѣ я имъ за отдыхъ деньги плачу? Пѣтъ, ужъ на это я не согласенъ. Пусть они съ утра до вечера работаютъ, вотъ какъ по-моему!

— Но, вѣдь, теперь день очень долгій.

— Тѣмъ лучше для меня. Я заставляю ихъ отъ восхода солнца до заката работать. Миѣ что! Ежели я деньги плачу...

— А сами вы не работаете?

— Самъ? Пѣтъ, я не работаю. Я только глазами работаю.

— Какъ глазами?

— А вотъ такъ: руками пусть другіе работаютъ, а я на эту боту гляжу да денежки за то получаю!

— Это за чужую работу?

— А хотъ бы и за чужую. Вѣдь, все-таки, я гляжу на эту работу, забочусь, значить. Глазами работаю. Вотъ и получаю свою выгоду! Ома хлестнулъ лошадь илетью, гикнулъ и лихо покатишь по дороге, поглядывав на меня своими черными наглыми глазами, искрившимися тонкою насмѣшкою.

Ямничать онъ великолѣпно, проворно управляя лошадыю, которая неслась во всю прыть, не уступая любой тройкѣ по быстротѣ бѣга. Лицо его замѣтно оживилось. Губы довольно улыбались. Брюхо торжествующе выдалось впередъ, занимая чуть не половину тарантаса, въ которомъ я, въ сравненіи съ Лекмортовымъ, казался такимъ маленькимъ, щодушнымъ человѣчкомъ. Удовольствіе его, испытываемое при этомъ, было несомнѣнное. Онъ, видимо, гордился тѣмъ, что владѣеть хорошимъ рѣзвымъ кономъ, столь не похожимъ на загнившихъ и топчихъ станціонныхъ зырянскихъ клячъ.

— Какоей мой Сѣрка, а?—хвастливо промолвилъ онъ, пустивъ лошадь шагомъ въ гору, куда повернула дорога съ поженъ.—Что, правится вамъ?

— Ничего, лошадка шустрая. Гдѣ вы ее купили?

— Я ее на другую лошадь обмѣнялъ. На праздникъ дѣло было. Хозяинъ этого Сѣрка ко мнѣ пришелъ... Я его угостилъ, какъ слѣдуетъ, прямо, можно сказать, въ дрызгъ напоилъ. А потомъ о лошадакъ разговоръ завелъ. Онъ своего Сѣрка хвалить, я своего Савраска хвалю... Шире да далъ... Долго мы такъ спорили... А потомъ я и говорю ему: Давай-ка, молъ, Пявъ Иванычъ, помѣняемся лошадами?—Давай, говоритъ. А самъ почти ничего не понимаетъ, сидитъ, какъ истуканъ, пьяный, какъ стелька... однако, еще о придачѣ бормочетъ что-то... Я ему десятку придачъ предложилъ, при свидѣтеляхъ отдалъ... Потомъ мы по рукамъ ударили... Росписочку формальную написали, благо у меня волостной писарь въ гостяхъ случился... Все какъ слѣдуетъ быть, по закону. Марочку на росписочку наклеили. Онъ своей рукой подписался—не выскоблишь... Такъ и помѣнялись мы съ нимъ. А этотъ Сѣрко, по крайней мѣрѣ, восемьдесятъ рублей стоитъ, а моему Савраску вся цѣна двадцать рублей... Ха, ха, ха!

— Однако!—покачалъ я головой.—Довко вы его обставили! А потомъ онъ не каляса въ томъ, что лошадыю помѣнялся?

— Какое не каляса! Нѣсколько разъ ко мнѣ приходилъ, плакалъ даже... просилъ обратно помѣняться. Но, вѣдь, у меня все по закону было сдѣлано... Я, конечно, не согласился...

— И вамъ не совѣстно было?

— Чего совѣстно?

— А вотъ, что пьянаго челоуѣка обманули?

— Какъ обмануль?

— Какъ вы сами рассказывали!

— А чортъ васъ побери совѣсьма!—вдругъ разсердился Лекмортовъ.—Вы ничего не понимаете. А еще изъ русскихъ людей, которые всегда понятливы бывають. Говорю вамъ, онъ добровольно со мной помѣнялся, свосручно росписку подписалъ. При свидѣтеляхъ дѣло было. А ежели онъ въ дуракахъ остался, такъ дураковъ учить надо! Вотъ что! Впередъ паука!

Онъ подождать, пока лошадь поднималась на гору, потомъ дернуть возжи и свистнуть шетью, отчего добрый Сѣрко стрѣлою помчался по дорогѣ, извивающейся по рѣденькому перелѣску, смѣнявшему веселый просторъ заливныхъ луговъ.

Разговоръ у насъ оборвался. Ома насупись брови и поджалъ губы, огорчившись, вѣроятно, моимъ замѣчаніемъ о безчестности его поступка, въ которомъ онъ не находилъ ничего предосудительнаго. Я тоже молчалъ, не зная какъ отнестись къ словамъ этого грубаго, беззастѣнчиваго зыряннина, открыто заявляющаго о томъ, что „дураковъ учить надо“. Мнѣ прямо-таки хотѣлось назвать его мерзавцемъ въ отвѣтъ на рассказанную имъ исторію объ обманѣ лошадыи, но, разумеется, я ничего не сказалъ, вполнѣ резонно разсуждая, что „благороднымъ негодованиемъ“ Ому удивить не удастся.

— А вотъ и наше село, — проговорилъ Лекмортовъ, нарушая молчаніе. — Скоро у меня будемъ... на станціи... А Сѣрко, все-таки, хорошая лошадь! Очень хороша! — подмигнувъ онъ мнѣ, давая этимъ понять, что мое „осужденіе“ не произвело на него никакого впечатлѣнія.

— И я не говорю, что нехороша, — отозвался я, глядя на высокую бѣлую колокольню, показавшуюся изъ-за березовой рощи, заслоняющей видъ на село.

— А хозяинъ Сѣрка, все-таки, въ дуракахъ остался! — ехидно ухмыльнулся Лекмортовъ и вихремъ влетѣлъ въ деревенскую улицу, съ живностію продолженіемъ земскаго тракта, по обѣимъ сторонамъ котораго были разбросаны крестьянскіе дома безъ всякаго плана и порядка.

Мы промчались мимо церкви, мимо полостного правленія, мимо училища, свернули въ узенькій кривой переулокъ, образуемый двумя изгородами, и остановились у крыльца большого деревяннаго двухэтажнаго дома, окруженнаго многочисленными надворными постройками.

Вставайте! Пріѣхали! — возгласилъ Ома и съ крикѣньемъ выскочилъ изъ тарантаса, попорочиваясь съ медвѣжьей локостью.

Я хотѣлъ было собственноручно взять и цести свой чемоданъ и подушку, не надѣясь уже на любезность Лекмортова, но онъ не донустилъ меня до этого, говоря:

— Нѣтъ, нѣтъ, вы не безпокойтесь. Это ямщикское дѣло. Я вотъ женѣ прикажу, чтобы она постаралась, а барину какъ же можно?

Онъ несомнѣнно трунилъ надо мною, выговаривая слово „баринъ“ съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ, но я сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ насмѣшки и молча поднялся за нимъ на крыльцо, откуда уже бѣжала навстрѣчу толстенная коренастая полнотѣлая женщина, одѣтая въ розовый ситцевый сарафанъ, обшитый по подолу вати-этажнымъ рядомъ черныхъ пологокъ-отдѣлокъ.

Ома сказалъ ей нѣсколько словъ по-зырянски и повелъ меня въ верхній этажъ, гдѣ помѣщалась земская станція.

— А вы на какой должности служите? — спросилъ онъ меня, подождавъ, пока я рылся въ чемоданѣ, ввешенномъ въ комнату его женою.

Я удовлетворилъ его любопытство, добавивъ, что видѣлъ въ зырянскомъ краѣ много интереснахъ вещей, которыя я записалъ себѣ на память.

— Ну, это пустяки! — махнулъ рукой Лекмортовъ. — У насъ ничего интереснаго нѣтъ. Вотъ развѣ только меня описать, какъ я отъ лѣснаго вѣдомства страдаю, такъ это было бы интересно... А остальное

все—пустыни. Да и недавно еще былъ здѣсь одинъ профессоръ, тогда народъ описывалъ...

— Какой профессоръ?

— Онъ, говорятъ, пятьсотъ рублей въ мѣсяцъ получаетъ,—добавилъ Лекмортовъ.—А раньше волостнымъ писаремъ служилъ. Выпало же счастье человѣку!

— Съ однимъ счастьемъ профессоромъ не сдѣлаешься, тутъ потрудиться надо,—возразилъ я и попросилъ Оому распорядиться насчетъ самоварчика, о которомъ я давно мечталъ.

— Вы лучше ко мнѣ перейдите, вотъ туда, на другую половину,—предложилъ мнѣ Лекмортовъ, указывая на дверь, ведущую въ сосѣднюю комнату.—Тамъ поспокойше будетъ, а здѣсь станція, такъ станція вѣдь есть. Пожалуй, еще подвѣдетъ кто-нибудь... стѣснить васъ...

— Все равно. Можно и туда,—согласился я и перешелъ въ жилище Оомы, удивляясь его ласковому обращенію со мной, чего я никакъ не ожидалъ.

— Вотъ я сейчасъ женѣ прикажу самоваръ готовить, а потомъ мы на граммофонѣ поиграемъ,—проговорилъ онъ и скрылся за дверью, тяжело топчя ногами по полу.

Я оглядѣлся по сторонамъ. Комната была большая и свѣтлая. Стѣны были оклеены обоями, изображающими какіе-то диковинные цвѣты, не имѣющіе ничего общаго съ земною растительностью. Полъ блестѣлъ, какъ паркетъ, щеголяя новенькою желтою краской. Около стѣнъ стояло полдюжины маленькихъ узенькихъ столиковъ, покрытыхъ бѣлыми вышитыми салфетками. У печки-голландки на высокомъ комодѣ видѣлся граммофонъ, окруженный кучею беспорядочно разбросанныхъ пластинокъ. Тутъ же лежала толстая „конторская“ книга съ наклееннымъ на обложкѣ синимъ ярлыкомъ, на которомъ было выведено крупными буквами: „Приходы и расходы по заготовкѣ сортового лѣса Оомы Лекмортова“.

Я глядѣлъ и удивлялся, видя передъ собой совсѣмъ не зырянскую обстановку, заставляющую предполагать въ хозяинѣ если не богача, то человѣка съ богатыми замашками. Книга съ синимъ ярлыкомъ пояснила мнѣ многое. Я, такъ сказать, окончательно убѣдился, что случай свелъ меня съ однимъ изъ зырянскихъ кулаковъ-хитриковъ, занимающихся подрядами по заготовкѣ и сплаву сортового лѣса, гдѣ они самымъ бесовѣтнымъ образомъ эксплуатировали нанятыхъ рабочихъ.

Вернувшись въ комнату, Оома подошелъ къ граммофону и началъ заводить пружину, говоря мнѣ въ то же время:

— Эту штуку я изъ Варшавы выписалъ. Сорокъ рублѣй заплатилъ. Просилъ было въ разсрочку продать, но они паложенымъ платежемъ выслали, не повѣрили мнѣ. Ну, и пришлось выкупить съ почты. Дѣлать нечего. Варшавскихъ жуликовъ не проведешь. Не таковыя. Такъ и не удалось ихъ надуть. Досадно даже... ха, ха, ха!

Онъ взялъ со стола первую попавшуюся иодъ руки пластинку и пустилъ механизмъ въ дѣйствіе, повернувъ рупоръ граммофона въ мою сторону.

Игра продолжалась до тѣхъ поръ, пока на столѣ не появился самоваръ, весело шумѣвшій и фыркавшій. Оома переигралъ мнѣ болѣе десяти шестъ, отличавшихся самымъ „пикантнымъ“ содержаніемъ. Онъ положительно смаковалъ музыкальныя сальности, восторгаясь сногшибательными куплетами кафе-шантаныхъ цѣвичекъ, увѣковѣчившихъ

ное искусство въ граммофонѣ. Я слушалъ „изъ любезности“, не жала обижать хозяина своимъ невниманіемъ. Появленіе самовара заставило, однако, прекратить музыку, за что я былъ отъ души ему благодаренъ.

— Да вы не безнокойтесь: у меня, вѣдь, все есть... ничего не надо!—остановилъ онъ меня, замѣтивъ, что я хотѣлъ достать изъ чемодана кое-что къ чаю.—И васъ, какъ гости, угощу, безо всякой тамъ церемоніи. А вы за то мнѣ одну казенную бумагу прочитаете, которую я никакъ понять не могу. А бумага эта очень важная, сотнями рублей пахнетъ...

— Съ удовольствіемъ,—отозвался я, понявъ, наконецъ, причину его нежданаго хозяйскаго радушія, удивившаго меня необычайно.

— Я человекъ малограмотный, а вы люди образованные... Такъ вотъ, поймете сначала чайку, а потомъ я побезпокою васъ насчетъ этой бумаги. Я, видите ли, заготовкой сортоваго дѣса занимаюсь... съ архангельскими фирмами дѣло веду... Много у меня переписки бываетъ...

— Павѣрное, вы большія деньги зарабатываете на этой заготовкѣ?—спросилъ я, вспоминая слова ямщика Григорія, охарактеризовавшаго Оому, какъ необыкновенно хитрого и предприимчиваго человека, покупающаго и продающаго дѣсныя дѣлянки.

— Да, тысячи полторы въ годъ наживалъ иногда.—хвастливо промолвилъ Декмортовъ.—Мнѣ много и не надо. Куда мнѣ съ большими деньгами? И я на полторы тысячи могъ хорошо прожить...

Онъ крикнулъ женѣ, чтобы она принесла карамель и варенье, самъ разлилъ чай по стаканамъ, наложилъ въ нихъ сахару и, непринужденно развалившись на стулѣ, продолжалъ:

— Я вамъ все расскажу по-порядку. Здѣсь каждый годъ бываетъ дѣсная заготовка. Архангельскіе купцы, шведы, англичане и прочіе иностранцы нашъ зырянскій дѣсъ у казны скупаютъ и весною въ Архангельскъ сплавляютъ, а оттуда за границу отправляютъ. Страшно они на этой заготовкѣ разживаются, пѣлыя груды денегъ загребаютъ. Самы они, положимъ, рѣдко сюда заглядываютъ, а все дѣло правятъ ихніе довѣренныя: осматриваютъ дѣсныя дѣлянки, панимаютъ и рассчитываютъ рабочихъ, лискаются съ дѣснымъ вѣдомствомъ, а чаще всего сдаютъ заготовку мѣстнымъ подрядчикамъ, чтобы не возиться по мелочамъ съ глупыми рабочими. Я тоже подрядчикомъ состоялъ, съ разными фирмами дѣло имѣлъ, тысячи полторы въ годъ зарабатывалъ. Мнѣ много-ли надо? У меня семья небольшая... Я жилъ лучше всякаго чиновника. Ълъ, пилъ, что захочется, на пароходахъ всегда въ первомъ классѣ ѣздилъ, стерлядку по пѣлконому фунтъ покупалъ, коньякъ стаканами танулъ, въ карты съ богатѣйшими купцами игралъ, много выигрывалъ и проигрывалъ... Да!—вздыхнулъ онъ, грузно повернувшись на стулѣ...—Славно я жилъ съ этими подрядями, никакого горя не зналъ. У меня рабочіе работали, а я за ихнюю работу денежки въ свой карманъ клалъ. Я глазами работалъ, а они—руками. Я ихъ въ строгости держалъ... вотъ такъ, видите?—Онъ поднялъ надъ столомъ свой крѣпко сжатый кулакъ, поросній черными волосами.—Это всегда такъ бываетъ. Кто доволъ, тотъ и наживается. Кто силенъ, тотъ и давить слабого. Кто уменъ, тотъ на счетъ глупыхъ живетъ. Дураковъ жалѣть нечего, ежели они сами въ петлю лѣзутъ. Правда, вѣдь?

Я пробормоталъ что-то неопредѣленное, стѣсняясь отвѣтить Оомѣ, что такъ поступаютъ только мерзавцы, потерявшіе стыдъ и совѣсть. Я

сидѣлъ за его столомъ, а это уже нѣкоторымъ образомъ обязывало меня слушать его безъ возраженія, давая ему волю высказаться. Вдобавокъ, мнѣ интересно было побесѣдовать съ такимъ замѣчательнымъ зырянниномъ, превозвѣждающимъ открытое хищничество, возведенное имъ на степенъ довольно почтеннаго званія.

Говорилъ онъ грубымъ, тяжеловѣснымъ голосомъ, произнося нѣкоторыя слова на зырянскій ладъ, хотя, видимо, старался щегольнуть передо мной знаніемъ русскаго языка. Въ особенности же его выдавали буквы „ф“ и „х“, которыя онъ выговаривалъ какъ „п“ и „к“, чѣмъ вообще грѣшатъ всѣ зыряне, умѣющіе объясняться по-русски.

— Да, хорошо я жилъ... очень хорошо!—опять вздохнулъ Ома, помѣшывая ложечкой въ своемъ стаканѣ.—Ѣлъ, пилъ, гулялъ въ свое удовольствіе, деньги горстями бросалъ, никакого чорта не боялся. Меня эти самые лѣсопромышленники дошлымъ зырянниномъ прозвали. А одинъ лѣсной довѣренный прямо мнѣ говорилъ: „Жуликъ ты, Ома, а человѣкъ полезный для насъ! Дошлый зырянинъ, однимъ словомъ!“.. А я ничего, только посмѣиваюсь. Мнѣ что! Съ меня, какъ съ гуся вода! Мнѣ только дай на подрядахъ попользоваться, а тамъ величай, какъ угодно. Отъ слова ничего не сдѣлается... Да, много и этихъ самыхъ подрядовъ выполнилъ, много денегъ получилъ. А все глазами работалъ, смотрѣлъ только, распорядился, покрикивалъ. Все на мужицкой снѣжѣ ѣхалъ. Сторона у насъ бѣдная, безхлѣбная. Заработку всѣ рады. Вотъ и шли ко мнѣ на лѣсную заготовку, чтобы кусокъ хлѣба добыть...

— Но вы же говорили мнѣ, что страдаете отъ лѣсного вѣдомства. напомнилъ я „дошлему зырянину“, увлекшемуся повѣствованіемъ о своей промышленной дѣятельности.—А, между тѣмъ, ничего подобнаго изъ вашихъ словъ не видно.

— Погодите, дойду и до этого,—тряхнулъ головой Лекмортонъ, допивая стаканъ чаю и наливая другой.—Отъ подрядовъ я въ убытокъ не оставался, а вотъ захотѣлось мнѣ, ради пущей прибыли, самому сдѣлаться хозяиномъ-лѣсопромышленникомъ... Ну, и пошла неприятности. Дѣло это, видите-ли, такъ вышло. Пришелъ я однажды къ знакомому лѣсничему, разболтался съ нимъ о томъ, о семъ. А онъ и говоритъ мнѣ: „Зачѣмъ-де ты, Ома Даниловичъ, на архангельскихъ лѣсопромышленниковъ работаешь? Ты бы, говоритъ, лучше самъ для себя дѣлянку на торгахъ купилъ и тѣмъ же лѣсопромышленникамъ бы продать. Гораздо бы, говоритъ, выгодище было“.—А я ему отвѣчаю. Денегъ, молъ, нѣту на такое дѣло. А тутъ, молъ, тысячный залогъ требуется и прочіе другіе расходы.—„А ты, говоритъ, ручательство отъ крестьянъ возьми“.—Какое ручательство?—„А вотъ, говоритъ, какое“... и разрисовалъ онъ мнѣ такую картину, что прямо меня въ жаръ бросило. Я даже не повѣрилъ сначала, а потомъ правда оказалась.—„Ты, говоритъ, Ома Даниловичъ, о залогѣ не думай. Такой залогъ, говоритъ, есть, что крестьяне могутъ вѣсто денегъ ручательство представлять. Каждый мужикъ за тебя въ правѣ на 15 рублей поручиться. А найдешь ты, говоритъ, напр., 100 поручителей, они за тебя на полторы тысячи отвѣчаютъ. А съ этимъ ручательствомъ ты можешь дѣлянку купить, а потомъ лѣсной фирмѣ продать, ежели самъ заготовлять не захочешь. А ежели, говоритъ, дѣлянка хорошая и около сплавної рѣки находится, то тебѣ сотни рублей отступного дадутъ. Только, говоритъ, на торгахъ побольше надачи дай, чтобы дѣлянка за тобой осталась“.—Ну, я, ко-

очень, обрадовался, сдѣлалъ, какъ лѣсничій пелѣль. Сейчасъ поручителемъ нашелъ. Кто по знакомству, кто по дружбѣ, кто ради стаканчика водки—живо ручательство подписали. Я даже многихъ неграмотныхъ и мертвецовъ записалъ. Волостное правленіе удостовѣрило. Потомъ я на торги объявленіе подавъ и хорошую дѣлянку купилъ. А дѣлянку эту одна фирма для себя облюбовала, тоже торговалась на все, только мало наддачи дала, я больше далъ, ну за мной и осталась... Я, конечно, не сталъ самъ лѣсъ заготовлять. Тогда я умѣе былъ... Я прямо этой фирмѣ предложилъ, пятьсотъ рублей отступного запросилъ. Ну, я получилъ пятьсотъ рублей!—потерь руки Лекмортовъ.—Только за то и получилъ, что объявленіе на торги подавъ да дважды въ канцелярію лѣсничаго сѣзидилъ! Вотъ и все!

— Это, значитъ, васъ казна наградила, да?—проговорилъ я, пораженный такимъ оборотомъ дѣла.—А вы еще жалуетесь на лѣсное вѣдомство.

— Это три года тому назадъ было,—возразилъ Оома.—Тогда все хорошо обходилось. На другой годъ я тоже двѣ дѣлянки затерговалъ. Опять дѣло выгорѣло. Девятьсотъ рублей въ карманъ положилъ. Только съ прошлой осени незадача пошла. Чортъ бы меня побралъ совсѣмъ! Захотѣлось, вишь, сразу разбогатѣть... Подумалъ я самъ на свои средства, сортовой лѣсъ заготовлять. Закупилъ я ильяхъ три дѣлянки. Одну за шестьсотъ рублей продалъ, на другую покунагеля не нашлось—оставилъ пока, въ третьей самъ началъ работать. Хорошо. Дѣло, конечно, мнѣ привычное, въ рабочихъ недостатка не было, заготовка у меня просто кнѣгла... Ну, просадилъ я тутъ много денегъ, жалко мнѣ стало эдакой траты. Началъ съ рабочихъ разные вычеты дѣлать, на припасы дѣны удвоить. А они, шельмы, бунтъ подняли, подѣ самую весну съ работы сбѣжали. Ахъ вы, зимогоры проклятыя! Надо плоты плотить, къ сплаву готовиться, а у меня рабочихъ нѣтъ. Пришлось новыхъ подыскивать... Долго я возился съ этой дѣлянкой, дьяволъ ее понесъ!—выругался Оома.—Изъ банка даже сбереженія свои тронулъ на расходы... Еле плоты сплотилъ. Обратился я къ лѣсничему за сплавнымъ билетомъ, а онъ вдругъ и объявляетъ мнѣ: У тебя-де неисправности замѣчены лѣснымъ кондукторомъ, который свидѣтельство производилъ. А пока-де дѣло не выяснится, лѣсъ долженъ на мѣстѣ оставаться... Какъ такъ? Что такое? Я къ кондуктору бросился, началъ его уговаривать. А онъ барина изъ себя корчитъ, говорить, что служба ему не позволяетъ и все прочее такое... Я ему уговореніе предложилъ—не шьетъ. Пятью красненькими поманкль—не беретъ, честью своею превозносится. А, навѣрное, если бы сотенную бумажку ему сунуть, живо бы лѣсничему отписалъ, что у Оомы Лекмортова все благополучно обстоитъ!.. Ну, плюнулъ я и поѣхалъ къ лѣсничему. Тотъ тоже куражится... Я опять плюнулъ и послалъ телеграмму въ губернское управленіе государственныхъ имуществъ. Оттуда такой же отвѣтъ... Э, думаю себѣ, давай-ка я къ министру въ Петербургъ поѣду. Тамъ имъ пропущутъ микстуру... Вотъ и покати въ столицу. А въ Петербургѣ въ то время навигантъ открывали—не то царю какому-то, не то генералу, право, припомнить не могу. Самъ Государь на открытіи былъ. И его такъ же видѣлъ, какъ вотъ теперь васъ передъ собой вижу. Народу было великое множество... Ну, взглянулъ я на открытіе, потомъ къ одному нашему сѣверному депутату затесался, а онъ меня въ Думу увелъ: „Посмотри, дескать, какъ мы законы сочиняемъ“. Я, конечно,

посмотрѣть и на Думу, только. кромѣ шуму и свисту, ничего не увидѣлъ... На другой день пошелъ я въ министерство, но министра мнѣ такъ и не показали. Занятъ-де, некогда ему! Принялъ мою жалобу какой-то чиновникъ, поморщился, зѣвнулъ и сказалъ: „Ладно, говорить, справки наведемъ“... Вотъ и все. Пужда имъ съ бѣднымъ крестьяниномъ вѣстись!

— Какъ же ваши плоть?—спросилъ я Оому, чуть не разсмѣявшись при его угождении себя „бѣдному крестьянину“, на котораго онъ менѣ всего былъ похожъ.

— Ничего. Все-таки разрѣшили сплавить. Ну, конечно, убытокъ я получилъ, вмѣсто прибыли... пострадалъ отъ придирокъ лѣсного вѣдомства. Но главное дѣло въ томъ, что большой штрафъ на меня наложенъ. А штрафъ этотъ придется поручителямъ платить, вотъ что. Понимаете?

Онъ лукаво прищурилъ глаза и засмѣялся злымъ, нехорошимъ смѣхомъ, понторая:

— Пусть платятъ! Сами добровольно подписывались! А кого неграмотнаго или мертваго записали, такъ тутъ мое дѣло сторона: волостное правленіе ручательство свидѣтельствовало! Ничего! Впередъ наука! Пусть платятъ!..

— Но могутъ и съ васъ изыскать,—замѣтилъ я, пораженный такимъ бездушіемъ этого брюхана, какъ будто радующагося предстоящему изысканію штрафа со своихъ поручителей.

— Я того же опасуюсь,—согласился Оома.—Можетъ, молъ, съ описью прѣдутъ скоро... Слухи такіе были... Что-жъ, пусть прѣзжаютъ. Я прирячу, что поцѣпнѣе, а разную негодную дрянъ пусть описываютъ. Не жалко... Я не пропаду... У меня на имя жены въ банкѣ положено тысяча триста рублей. А, можетъ, и больше найдется...

Я поблагодарилъ его за угощеніе. Онъ тоже прекратилъ чаеніе и началъ рыться въ ящикѣ комода, ища казенную бумагу, которую хотѣлъ показать мнѣ.

Я подошелъ къ раскрытому окну, откуда вѣяло ласковымъ теплымъ вѣтеркомъ, рѣзво пробѣгавшимъ по комнатѣ. Пахло свѣжею краскою отъ косяковъ и сухимъ деревомъ, сильно нагрѣвшимся на солнцѣ. Воздухъ былъ полонъ мягкаго, убаюкивающаго шелеста высокой колосистой ржи, волнующейся у стѣнъ дома, прижимающаго одной стороною къ громадному общественному полю, начинающемуся прямо за задворками. Природа, казалось, дышала миромъ и покоемъ, чувствуящаяся во вѣжной полудремотной истомѣ погожаго лѣтняго дня, сіяющаго во всемъ своемъ великолѣпнн. Я певольно вздохнулъ при мысли о „дошломъ зырянннѣ“, живущемъ на лонѣ природы и не обращающемъ на эту природу ни малѣйшаго вниманія, потому что жажда легкой наживы поглощала его цѣлкомъ, заглушивъ всѣ остальные человѣческія чувства...

— Чортъ возьми!—раздался отъ комода голосъ Оомы.—Никакъ вѣдетъ кто-то... (Слышите, колокольчики звепятъ?)

Онъ подошелъ къ окну и высунулъ голову на улицу. На лицѣ его выразилось безпокойство.

Въ отдаленнн послышался звонъ нѣсколькихъ колокольчиковъ, становившихся все ближе и слышнѣе.

Ждать намъ пришлось недолго. Скоро двѣ пары лошадей съ оглушительнымъ шумомъ и грохотомъ подкатили ко крыльцу дома Лекмортова.

— Э, да это становой прѣхаль,—пробормотала Оома.—А на за-ней подводѣ два стражника...

Я видѣлъ изъ окна, какъ становой приставъ, сравнительно молодой еще человѣкъ, съ чисто полицейскою рѣзвостью выскочилъ изъ тарантаса и, обращаясь къ одному стражнику, сказалъ:

— Бѣги скорѣй за старшиной, да передай ему, чтобы онъ двухъ понятыхъ прихватилъ. Скажи, что описъ будемъ дѣлать у Лекмортова...

Я оглянулся на Оому. Мигъ интересно было узнать, какое впечатлѣннѣе произведутъ на него такія слова пристава. Я, все-таки, думаю, что онъ растеряется хотя бы на первое мгновеніе, но результатъ получился совершенно обратнаго свойства.

Оома быстрымъ движеніемъ руки заперъ дверь, ведущую въ станціонную комнату, потомъ кликнулъ жену и началъ срывать со стѣнъ зеркала, имѣющія, повидному, порядочную цѣнность, судя по размѣрамъ и золоченымъ рамамъ...

Я не успѣлъ опомниться, какъ все лишнее и цѣнное было вынесено изъ комнаты. Исчезли зеркала, граммофонъ, пластинки къ нему, даже нѣкоторые столы и стулья. Промелькнули два самовара, утащенные самими Лекмортовыми. Жена его, конфузливо взглянувъ на меня, повлекла большую швейную машину, красовавшуюся на одномъ изъ столиковъ...

Черезъ полчаса—не болѣе—я уже ѣхалъ дальше, отправленный предусмотрительнымъ хозяиномъ, боявшимся, вѣроятно, моей встрѣчи съ прѣзжимъ полицейскимъ чиновникомъ, которому я могъ рассказать о новальномъ бѣгствѣ изъ дома злополучнаго лѣсопромышленника всѣхъ цѣнныхъ предметовъ...

Такъ кончилось мое случайное знакомство съ зырянномъ Оомой Лекмортовыми.

Матвѣй Холоднякъ.

Землеустройство и сельское хозяйство.

Торфяное дѣло въ Россіи. Съ ростомъ цѣны на топливо торфъ приобретаетъ все большее и большее значеніе. Въ надлежащемъ развитіи торфяного дѣла, главнымъ образомъ, заинтересована казна, являющаяся крупнейшимъ собственникомъ торфяныхъ залежей, количество которыхъ, за отсутствіемъ исчерпывающихъ данныхъ, остается пока еще совершенно неопредѣленнымъ. Съ 1882 г. ежегодно ассигновывалось на развитіе торфяного дѣла 15 т. р., а съ 1910 г. сумма была увеличена до 25 т. р. и затѣмъ, при постепенномъ усиленіи, въ 1913 г. доведена до 10.000 р.

При рассмотрѣніи смѣты отдѣла земельныхъ улучшеній на текущій годъ Государственная Дума высказала пожеланіе, чтобы вѣдомство землеустройства и земледѣлія обратило самое серьезное вниманіе на торфодобычаніе, разработало и внесло на рассмотрѣніе Государственной Думы законопроектъ о тѣхъ мѣропріятіяхъ, которыя могли бы способствовать развитію торфяного дѣла.

Этотъ законопроектъ въ настоящее время готовится, а пока что въ проектъ смѣты отдѣла земельныхъ улучшеній внесены кредиты на торфяное дѣло въ усиленномъ на 50 т. р. размѣрѣ, противъ ассигнованія на текущій годъ. За счетъ испрашиваемаго кредита предполо-

гается изслѣдовать 21.775 дес. торфяныхъ болотъ (въ 1909 г. было изслѣдовано 6.838 дес., въ 1910 г.—8.793 дес., въ 1911 г.—16.390 дес., въ 1912 г.—11.520 дес.), т. е. сдѣлать съѣмки торфяныхъ залежей для опредѣленія ихъ площадей, произвести зондировки для опредѣленія глубины торфяного пласта и общаго количества торфа въ залежахъ, сдѣлать анализъ торфа, съ цѣлью опредѣленія качества торфа и его пригодности для топлива, изготовленія торфяной подстилки и т. д., произвести нивелировку болотъ для стеканія излишней воды съ болота, составить планы залежей и краткія описанія болотъ, съ указаніемъ добытыхъ изслѣдованіемъ данныхъ, а также мѣстныхъ цѣпей на топливо разнаго рода, мѣстныхъ арендныхъ цѣпей на торфяники и возможныхъ мѣстъ сбыта и т. д. Затѣмъ, предполагается организовать опыты по выработкѣ наиболѣе простаго и дешеваго кустарнаго способа приготовленія торфяного топлива для крестьянъ и мелкихъ хозяевъ. Съ этою цѣлью проектируется оборудовать три новыхъ постоянныхъ показательныхъ пункта для производства опытныхъ и показательныхъ разработокъ торфа и испытанія машинъ и приборовъ въ губерніяхъ: С.-Петербургской, Нижегородской и Владимірской, а также продолжать показательную разработку въ Московской губ. на одномъ моховомъ болотѣ Клинскаго уѣзда. Далѣе предполагается устроить и оборудовать курсы для подготовки опытныхъ мастеровъ торфяного дѣла при одной изъ постоянныхъ опытныхъ разработокъ (въ С.-Петербургѣ или въ Московской губ.). На эти курсы будутъ приниматься лица, командированныхъ земствами, сельско-хозяйственными обществами и тому подобными учрежденіями, а равно и частныя лица. Окончившія курсъ лица будутъ приглашаться въ десятники для введенія, подъ наблюденіемъ техниковъ, казенныхъ показательныхъ разработокъ торфа. Наконецъ, за счетъ этого кредита намѣчено произвести повѣрки разработокъ у нѣкоторыхъ арендаторовъ, увеличить нѣсколько личный составъ и т. д.

Насколько сильно возрастаетъ интересъ къ торфодобычанію, при-мѣромъ можетъ служить хотя бы увеличеніе числа ходатайствъ со стороны частныхъ лицъ, земствъ, сельско-хозяйственныхъ обществъ, школъ и т. д. объ изслѣдованіи принадлежащихъ имъ торфяныхъ залежей: такъ, въ 1908 г. такихъ ходатайствъ было возбуждено 8, въ 1909 г.—28, въ 1910 г.—42, въ 1911 г.—67 и въ 1912 г.—92.

Земельныя дѣла въ Сибири. Главное управленіе землеустройства и земледѣлія въ настоящее время занято кореннымъ пересмотромъ земельного законодательства, дѣйствующаго въ Азіатской Россіи.

Главное управленіе пришло къ заключенію о необходимости оставленія односторонней политики насажденія въ Сибири мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ. Въ составленной по этому вопросу специальной запискѣ провозглашается принципъ свободы распоряженія надѣльными землями.

«Необходимо,—говорится въ запискѣ,—отводить надѣлы въ Сибири не въ пользованіе, какъ теперь, а въ собственность. Только право собственности на землю дастъ прочность крестьянскому хозяйству и не служить основаніемъ для послѣдующаго правильнаго разверстанія земель между владѣльцами».

Записка отмѣчаетъ настоятельную необходимость перехода Сибири къ капиталистическому земельному хозяйству:

„Силою земледѣльческая и крестьянская Сибирь не разовьетъ всѣхъ своихъ производительныхъ силъ, пока не будетъ взаимодѣйствія различныхъ отраслей сельскаго хозяйства, обмена и соперничества между ними. Необходимо приливъ капитала даже въ область собственно земледѣлія, замѣна единоличнаго владѣнія хозяйствами болѣе крупнаго промышленнаго типа. Еще болѣе необходимо образованіе сравнительно крупныхъ владѣній для развитія другихъ отраслей сельскаго хозяйства. Наконецъ, частная собственность на землю является непремѣннымъ условіемъ развитія промышленности и торговыхъ центровъ.“

Развитіе оленеводства. Оленеводство съ незапамятныхъ временъ является специфическимъ промысломъ Дальняго Сѣвера, служа почти единственнымъ средствомъ удовлетворенія всѣхъ жизненныхъ потребностей аборигеновъ тундры; въ послѣднее время, когда этимъ дѣломъ заинтересовались русскіе оленеводы, оно стало пріобрѣтать и крупное промышленное значеніе, давая живую силу для вывоза изъ тундры добываемыхъ здѣсь рыбы и звѣря и способствуя развитію рыбнаго и звѣринаго промысловъ. Всѣ эти обстоятельства побудили вѣдомство землеустройства и земледѣлія обратить вниманіе на эту отрасль народнаго хозяйства, и въ настоящее время намѣчель уже рядъ мѣропріятій, клонящихся къ ея развитію. Сюда относятся: организація правильнаго кредита оленеводамъ, устройство хранилищъ оленьихъ есудъ, сооруженіе холодильниковъ и консервныхъ заводовъ, улучшеніе путей сообщенія, подготовка специалистовъ по выдѣлкѣ замшп. Главнымъ же образомъ раціонально поставленная борьба съ заразными болѣзнями оленей. Въ первую очередь вѣдомствомъ рѣшено учредить при архангельскомъ управленіи земледѣлія и государственныхъ имуществъ должность специалиста по оленеводству, которому будетъ поручено какъ производство подробныхъ обследованій условій оленеводства въ тундрѣ, такъ и руководство соответствующими мѣропріятіями по его развитію.

Акціонерное общество сѣвернаго оленеводства и промышленности. Это общество основано въ цѣляхъ организаціи различныхъ промышленныхъ предприятий въ Сибири и на Дальнемъ Востоку и въ особенности для устройства холодильниковъ въ главныхъ центрахъ скотоводства Западной Сибири (Справки: СИБ., Пет. Ст., Покровская, 11).

Высочайше утвержденный 1-го декабря 1912 года уставъ позволяетъ обществу заниматься культурою, переработкою и продажей продуктовъ земледѣлія, а также лѣснымъ и горнымъ дѣломъ.

При этомъ предполагается ставить эти предприятия на основаніи тщательнаго изученія условій на мѣстѣ въ возможно широкомъ масштабѣ и въ полномъ согласіи съ современными условіями и требованіями техники.

Программа ближайшей дѣятельности общества: 1) постройка складовъ съ низкой T° (холодильники) для скоропортящихся пищевыхъ продуктовъ въ большихъ центрахъ скотоводства Западной Сибири, 2) организація торговли рыбою, сохраняемой посредствомъ холода и устройства рыбныхъ промысловъ на Енисей, 3) организація фабрикъ рыбнаго гуано на р. Амурѣ и 4) организація лѣсной промышленности въ перечисленныхъ областяхъ.

Общество, имѣя такую программу, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть поддержку какъ правительства, такъ и мѣстныхъ силъ. Русское пра-

вительство весьма озабочено рациональной постановкой дѣла заселенія и развитія Сибири и напрягаетъ всѣ усилія для облегченія и поддержки частной инициативы въ этомъ направленіи. Мѣстные общественныя силы, уже освѣдомленныя, формально общались облегчить задачу общества и дать необходимые земельные участки на самыхъ льготныхъ условіяхъ, предвидится даже, что наиболѣе заинтересованные города войдутъ своими капиталами въ общество.

Недавній конгрессъ по холодильному дѣлу, имѣвшій мѣсто въ Москвѣ (1912 г.), освѣтилъ ту пользу, которую можно извлечь изъ существующаго положенія вещей въ Сибири, и блестяще доказалъ ту громадную важность, которую займѣетъ въ ближайшемъ будущемъ холодильная промышленность въ Сибири, организованная согласно требованіямъ коммерческой жизни въ наиболѣе рациональныхъ и современныхъ направленіяхъ.

Желѣзнодорожные пути.

Финляндцы о соединеніи русскихъ желѣзныхъ дорогъ съ финляндскими.
Соединеніе русскихъ жел. дор. съ финляндскими могло бы, по мнѣнію представителей финляндскихъ коммерческихъ круговъ, открыть совершенно новый путь для вывоза товаровъ изъ сѣверныхъ губерній Россіи и Сибири въ теченіе 5 зимнихъ мѣсяцевъ.

До сихъ поръ весь Сѣверъ Россіи направляетъ свой вывозъ, главнымъ образомъ, черезъ С.-Петербургскій портъ, въ которомъ навигація прекращается, въ среднемъ, на 5 мѣсяцевъ въ году, вслѣдствіе чего товарамъ приходится вылеживаться на мѣстахъ или въ складахъ С.-Петербургскаго порта или же избирать невыгодныя направленія, очень удлиняющія путь, черезъ Ригу и Либаву. Убытки отъ такой остановки въ торговомъ оборотѣ, конечно, весьма трудно исчислить; къ тому же они уже входятъ въ дѣловые расчеты, какъ накладные расходы, и къ нимъ до такой степени привыкли, что они уже не вызываютъ неудовольствія съ чьей-либо стороны, но, а priori, можно съ увѣренностью сказать, что если бы такого вылеживанія товаровъ не было, то народное хозяйство выиграло бы отъ этого во многихъ отношеніяхъ. Теперь русскія желѣзныя дороги соединены съ финляндскими, а финляндскія упираются въ сравнительно мало замерзающіе порты—Ганге и Або, въ которыхъ навигація продолжается круглый годъ при помощи небольшихъ ледокольныхъ пароходовъ. Такимъ образомъ, получилось, что наша сѣверная магистраль, идущая черезъ Челябинскъ, Пермь, Вятку, Вологду въ С.-Петербургъ, черезъ финляндскія желѣзныя дороги какъ бы выбралась къ портамъ, хотя и замерзающимъ, но въ которыхъ, тѣмъ не менѣе, морскія сообщенія поддерживаются круглый годъ. Теперь смычка готова и черезъ Певу перекинутъ грандіозный желѣзнодорожный мостъ. Само собою напрашивается вопросъ: не можетъ ли сѣвернорусскій вывозъ получить нѣкоторыя неожиданныя выгоды отъ этой смычки? Этотъ вопросъ является въ настоящее время предметомъ специальныхъ дебатовъ въ финляндской прессѣ, при чемъ указываютъ на Або и Ганге, а, главнымъ образомъ, на Юстандъ, какъ на конечный пунктъ сибирской и сѣвернорусской магистрالی.

Новый вариантъ ж. д. Финляндія—Печенгская губа. На состоявшемся въ Петербургѣ общемъ собраніи экономическаго отдѣла русскаго

Хилич. о-ва А. С. Раевскій сдѣлалъ докладъ по поводу своего новаго варианта желѣзной дороги изъ Филяндіи къ Печенгской губѣ. Докладчикъ указалъ прежде всего на то обстоятельство, что проектируемыя нынѣ вѣтви, какъ-то: Петрозаводскъ-Архангельскъ, Петрозаводскъ-Кемь—невыгодны съ финансовой точки зрѣнія, такъ какъ на этихъ линіяхъ множество мостовъ и тоннелей, удорожающихъ прокладку пути; проектъ докладчика предполагаетъ линію: Ровениемп (Филяндія)—озеро Саданкеле (линія уже проводится; длина 1.000 верстъ; кредитъ отпущенъ въ послѣдней сессіи спеціальной комиссіи)—далѣе до Печенгской губы остается всего 450 километровъ, прокладка пути на коихъ обойдется всего въ 25.000.000 р., при чемъ можно будетъ, какъ это дѣлаютъ уже норвежцы, использовать силу падуновъ на рѣкѣ Паазѣ, гдѣ предполагается устройство новаго торговаго порта; къ числу выгодъ проекта А. С. Раевскій относитъ еще находженіе по линіи дороги золотоносныхъ земель (добыча золота 25.000 граммъ въ 1913 г.). Проведеніе и содержаніе линіи волюнѣ окупится наличностью грузовъ какъ съ Сѣвера (Мурманъ-Петербургъ, далѣе зѣбо на Коненгагенъ, либо на западъ Россіи; грузы: треска, олень мясо и замша), такъ и съ юга (грузы: хлѣбъ, керосинъ и сахаръ), кромѣ того, открытіе торговаго порта въ устьѣ дастъ дорогу крупнымъ капиталамъ, которые усовершенствуютъ способы добычи рыбы, и дастъ возможность конкурировать съ англичанами и норвежцами, которые, кромѣ того, должны будутъ перевозить рыбу по русской жел. дорогѣ.

Изъ торгово-промышленной жизни.

Къ вопросу о рынкахъ для сбыта рыбныхъ продуктовъ. Съ развитіемъ рыбной промышленности въ каспійскомъ районѣ, на Д. Востокѣ, Мурманѣ, въ районахъ Аральскаго моря и др., съ развитіемъ и улучшеніемъ способовъ перевозки рыбы выдвигается на очередь вопросъ объ изученіи рынковъ сбыта рыбныхъ продуктовъ какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ. Необходимо приступить къ выясненію всѣхъ тѣхъ условій, которыя, съ одной стороны, вліяютъ на вздорожаніе продуктовъ, съ другой, прямо и косвенно затрудняютъ ихъ сбытъ. Въ частности, необходимо изучить условія сбыта на иностранныхъ рынкахъ. Въ этихъ видахъ совѣтъ съѣздовъ представителей промышленности и торговли вошелъ съ докладной запиской въ отдѣлъ торговли министерства торговли и промышленности, въ которой совѣтъ проситъ не отказать запросить нашихъ иностранныхъ агентовъ и консуловъ по слѣдующимъ вопросамъ: а) какая русская рыба и рыбные продукты потребляются населеніемъ и въ какомъ количествѣ; 2) существующія пѣпы на рыбу; 3) способъ заготовки ея; 4) мѣста храненія (холодильные склады и пр.); 5) способы упаковки товара. Далѣе желательнымъ представляется установленіе тѣхъ фирмъ, которыя заинтересованы въ сбытѣ русской рыбы, рыбныхъ продуктовъ: зернистой икры—пажусной, кетовой, частичковой, балыка бѣлорыбьяго, осетроваго, тешки, копченой сельди, сига, рыбныхъ саломъ, свѣжихъ: лосося, осетра, севрюги, сазана, лещи, стерляди, бѣлуги и др.

Первая火柴бумажная фабрика въ Сибири. Оживленіе промышленной жизни Сибири, наблюдаемое въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, не пре-

крадется и переносится во все новыя и новыя отрасли производства. Какъ сообщаетъ „Т.-П. Т.“, нѣсколько томскихъ коммерсантовъ рѣшили устроить въ Томскѣ большую писчебумажную фабрику для производства картона, желтой оберточной и бѣлой газетной бумаги. Суточную производительность фабрики предполагается довести до 1.000 пуд., что составляетъ свыше 300.000 пудовъ въ годъ. Выработка фабриката въ такомъ громадномъ количествѣ позволитъ не только обслуживать весь сибирскій рынокъ, но и направить часть продукта въ сторону Россіи. Фабрику рѣшено оборудовать самыми усовершенствованными машинами съ новѣйшей силовой установкой до 2.000 силъ. Фабрика будетъ закончена постройкой, оборудована и приведена въ дѣйствіе въ сентябрѣ, ноябрѣ т. г. Въ Сибири она явится первымъ предпріятіемъ въ области писчебумажнаго производства. До сихъ поръ огромная потребность Сибири въ разнообразныхъ сортахъ бумаги удовлетворяется, главнымъ образомъ, привозными изъ Россіи фабрикатами. Высокій производной тарифъ и сравнительная дороговизна лѣса и другихъ сырыхъ продуктовъ, употребляемыхъ при выдѣлкѣ бумаги, удерживаютъ цѣны на этотъ фабрикатъ на довольно высокомъ уровнѣ, создавая для мѣстной обрабатывающей промышленности весьма благоприятныя условія для конкуренціи и завоеванія рынка. Размѣры же ежегоднаго потребления бумаги обезпечиваютъ фабриканту организацию сбыта въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Разныя вѣсти.

Полярная экспедиція Амундсена. Извѣстный изслѣдователь полярныхъ странъ Амундсенъ въ скоромъ времени отправляется въ новую экспедицію на Сѣверъ. Въ данное время Амундсенъ и его будущіе спутники дѣятельно готовятся къ путешествію, которое предположено въ серединѣ іюля. Главнѣйшая задача экспедиціи—метеорологическія изслѣдованія за полярнымъ кругомъ. Въ связи съ предстоящимъ путешествіемъ въ Копенгагенѣ собрался международный метеорологическій комитетъ, который занять вопросомъ объ оборудованіи цѣля метеорологическихъ станцій за полярнымъ кругомъ. Наблюденія экспедиціи Амундсена и наблюдений станцій предполагается согласовать между собою. Въ комитетѣ со стороны Россіи представителями являются директоръ Петербургскаго метеорологическаго института князь Голицынъ и генералъ Рыкачевъ. Предположено, что Россія устроитъ двѣ станціи (въ Сибири и на Новой Землѣ), Германія—одну на Шницбергенѣ, Данія—въ Исландіи и Гренландіи и Швеція и Норвегія—по одной станціи въ сѣверной части страны. Вѣроятно, что будетъ устроена еще одна станція въ сѣверной части Канады.

Нѣмецкія газеты, сообщая свѣдѣнія объ экспедиціи и о рѣшеніи метеорологическаго комитета, подчеркиваютъ особую важность метеорологическихъ изслѣдованій полярныхъ странъ для Россіи, которая давно уже желаетъ установить удобное сообщеніе въ побережьи Ледовитаго океана.